
Voennyi

Sbornik

Has been issued since 1858.
E-ISSN 2409-1707
2018. 6(1). Issued 2 times a year

EDITORIAL BOARD

Ermachkov Ivan – Sochi State University, Sochi, Russian Federation (Editor-in-Chief)
Anca Alejandro – Ministry of Defence of Spain, Spain
Atanesyan Artur – Yerevan State University, Yerevan, Armenia
Crawford Kent – Gunnery Fire Control Group, USA
Gogitidze Mamuka – Shota Rustaveli National University, Tbilisi, Georgia
Katorin Yurii – Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russian Federation
Krinko Evgenii – Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation
Plachy Yizhi – Military History Institute of the Ministry of Defence Czech Republic
Rzheshhevskii Oleg – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia
Ter Oganov Nugzar – Tel Aviv University, Tel Aviv, Israel

Journal is indexed by: **CiteFactor** (USA), **CrossRef** (UK), **Electronic scientific library** (Russia), **ERIH PLUS** (Norway), **Global Impact Factor** (Australia), **Open Academic Journals Index** (Russia), **Sherpa Romeo** (Spain), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04
Release date 16.06.18
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru
Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o. Order № 17.

Voennyi Sbornik

2018

Is.

1

Издается с 1858 г. E-ISSN 2409-1707
2018. 6(1). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ермачков Иван – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация (Гл. редактор)
Анка Алехандро – Министерство обороны Испании, Испания
Атанесян Артур – Ереванский государственный университет, Ереван, Армения
Гогитидзе Мамука – Национальный университет им. Шота Руставели, Тбилиси, Грузия
Каторин Юрий – государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Крауфорд Кент – Группа управления артиллерийским огнем, США
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Плахий Йижи – Военный исторический институт Министерства обороны Чехии, Чехия
Ржешевский Олег – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
Сенявская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация
Тер-Оганов Нугзар – Тель-Авивский университет, Тель-Авив, Израиль
Шмигель Михал – Университет Матей Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (Соединенное королевство), **ERIN PLUS** (Норвегия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 831 04, Словакия, Дата выпуска 16.06.18
г. Братислава – Нове Место, ул. Стара Формат 21 × 29,7/4.
Вайнорска, 1367/4

Сайт журнала: <http://ejournal6.com/> Гарнитура Georgia.
E-mail: sochio03@rambler.ru

Учредитель и издатель: Academic Publishing Заказ № 17.
House Researcher s.r.o.

CONTENTS

Articles and Statements

Battle of Gigindlovu, the End of the Zulu State Y.F. Katorin	4
The Format of the Six-Party Negotiations on the North Korean Nuclear Issue (2003–2010): Position of the Russia E.Y. Litsareva	10
Votkinsk Plant on the Transportation’s Providing of the Volga-Caspian Canal During the First World War N.W. Mitiukov, D. Matveev	18
Representations of the Cossack and Cossacks Class in the Books of N.I. Krasnov of 1860: «Citizens» vs «Warrior» A.Y. Peretyatko	25

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 1858.
 E-ISSN: 2409-1707
 2018, 6(1): 4-9

DOI: 10.13187/vs.2018.1.4

www.ejournal6.com

Articles and Statements

Battle of Gigindlovu, the End of the Zulu State

Yuri F. Katorin ^{a,*}^a Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Russian Federation

Abstract

This article explores the second stage of the Anglo-Zulu war of 1878-1879 years, while the preparation for the expedition to the lands of the Zulus of Lord Chelmsford is described, the data on the strength and armament of the British army are given, describes in detail the progress of the main battles of the campaign Gingindlovu and Ulundi, the losses of the parties are given, the reasons for the defeat of the Zulu and the consequences of the defeat of the Kechvayo army are analyzed.

Keywords: Anglo-Zulu war (1878–1879), lord Frederic Augustus Thesiger Chelmsford, battle of Gigindlovu (April 2, 1879), the Zulu leader Cetshwayo, kampande Ulundi.

1. Введение

Прошло более двух месяцев со дня сражения под Исандулой, в этот период британцев постигла новая неудача – 12 марта 1879 года в стычке на берегу реки Интомбе зулусы атаковали британский кавалерийский отряд, 62 из 106 английских солдат были убиты (Каторин, 2014: 205–207). Однако, так как у Кечвайо не было планов вторжения в Наталь, наступило относительное затишье в войне, и британцы получили возможность оправиться от потерь и дожидаться подкреплений. Потерпев жестокий разгром, англичане поняли, какого грозного врага имели перед собой, и стали принимать лихорадочные меры по укреплению своего положения в Южной Африке. Британское командование оказалось перед острой необходимостью добиться срочного и решающего перелома в боевых действиях. Для Лондона это был вопрос сохранения имперского престижа и восстановления славы британского оружия, а для лорда Челмсфорда (Frederic Augustus Thesiger, 2-nd Baron Chelmsford; 1827–1905), — «сохранения лица» как командующего действующей армией. В порт Дурбан один за другим стали прибывать огромные океанские корабли, с которых высаживались войска, выгружалось оружие, амуниция, провиант (Colenso, 1880: 56).

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для исследования послужила российская и зарубежная специализированная историография и справочная литература. В ходе анализа источников и литературы, а также в выводах, являющихся итогом исследования, автор, используя метод историко-сравнительного анализа, стремился к научной объективности, неизменным

* Corresponding author

E-mail addresses: katorin@mail.ru (Y.F. Katorin)

условием которой выступает фундаментальный методологический принцип историзма. В методологии широко применен историко-описательный метод.

2.2. Методологической основой работы послужили основополагающие методы объективности, системности и диалектической взаимосвязи явлений, методы историзма, сравнительного анализа и синтеза, способствующие критически-аналитическому осмыслению событий и фактов далекого прошлого, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

Обоснованность и достоверность исследования базируется на основе анализа большого количества литературных источников и обеспечивается научной методологией, комплексным характером исследования, системным подходом и подтверждается строгой логикой выводов в соответствии с поставленными целями и задачами.

3. Результаты

Вскоре численность ударного отряда английской армии достигла почти шести тысяч человек (3400 европейских и 2300 африканских солдат), которых поддерживали 5 артиллерийских батарей (12 орудий) и первая в британской армии батарея из 2 картечных Гатлинга. Обеспечить снабжение такого большого количества войск было непростой задачей, ибо британцы не располагали достаточным числом повозок и тяглового скота. Тем не менее удалось, с большими сложностями, выделить около 600 фургонов, 8 тысяч быков и 1 тысячу мулов. Тогда главнокомандующий лорд Чельмсфорд решил перейти к активным действиям, чтобы спасти от верной гибели отряд полковника Ч. Пирсона (Charles Knight Pearson; 1834–1909), запертого зулусами в течение шести недель в форте Эков (Donald, 1972: 206).

Главнокомандующий при продвижении предпринимал меры предосторожности. Тщательно поддерживалась связь между отдельными отрядами. Главные силы всегда следовали, имея впереди авангард, а по сторонам боковые прикрытие. Обоз под сильной защитой пехоты двигался в арьергарде; во все направления высылались конные разведчики. На ночь устраивался укрепленный лагерь. Первое время продвижение шло спокойно: страна казалась безжизненной, население исчезло. Лишь изредка на горизонте мелькали фигуры черных воинов, наблюдавших за движением неприятеля. Они мгновенно исчезали, когда их пытались захватить. На пути продвижения британцы основали несколько постоянных укрепленных лагерей (Military Heritage, 2005: 367).

К полудню 1 апреля английские войска подошли к краалю Гингиндлову (Gingindlovu), расположенному в пяти милях от форта Эков. Главнокомандующий приказал разбить и укрепить здесь лагерь. На высоком холме была установлена тренога с гелиографом, после чего один из офицеров стал посредством системы зеркал направлять отраженные солнечные лучи в осажденный форт. Вскоре связь была установлена и форт стал отвечать такими же солнечными зайчиками. Полковник Пирсон, передав, что поблизости находятся главные силы зулусов, рекомендовал соблюдать осторожность. Зулусское королевство выставило для войны практически все войска, которые смогло собрать. Главные силы имели численность до 24–25 тысяч воинов. По сравнению с началом войны это означало серьезное уменьшение зулусской военной мощи — в январе в распоряжении Кетчвайо было около 40 тысяч бойцов. Даже сравнительно легкое, по современным меркам, ранение воина, с учетом полного отсутствия у зулусов нормальной медицинской помощи, часто оканчивалось смертью, а легко деформирующиеся крупнокалиберные пули, как правило, наносили тяжелейшие раны (David, 2005: 48).

В лагере, разбитом недалеко от берега реки, закипела напряженная работа. Солдаты рыли рвы, складывали из камней высокие брустверы, позади окопов возводили ограду из повозок, переплетенных колючим кустарником. По углам лагеря были выставлены в амбразуры пушки. Наступившая ночь прервала саперные работы (Cope, 1999: 28).

Армия расположилась на отдых, выслал по всем направлениям дозорных и разведчиков. 3 апреля 1879 года, когда на востоке едва-едва проступила заря, аванпосты заметили множество черных воинов, крадущихся к берегу по ту сторону реки. Иные из них уже пересекали быстрое течение, держа над головой щит с оружием и гребя одной рукой. Предутреннюю тишину разорвали гулкие выстрелы (Watson, 1996: 346).

Согласно своему обыкновению, зулусы наступали сплошной массой. Волна за волной из горных теснин выкатывались черные воины и бесстрашно бросались в реку, направляясь к английскому лагерю. Стреляя в тех, кто успел переправиться, аванпосты медленно отодвигались и уходили за черту укреплений. Уже река была черна от запрудивших ее тел, а все новые и новые полки все наступали и наступали. В лагере англичан царило напряженное ожидание. Когда войска зулусов приблизились примерно на три тысячи шагов, главнокомандующий приказал открыть огонь из орудий (Строгов, 2002: 17).

Зулусы все так же катились вперед, смыкая ряды, опустошаемые шрапнелью, сохраняя поразительный порядок и не замедляя наступления. Хотя у зулусов тоже были два 7-фунтовых орудия, взятых ими в качестве трофеев при Исандлване, но они находились в Улунди, ибо черные воины не имели даже понятия о том, как обращаться с ними. При их приближении на 300-400 метров к укреплениям было приказано открыть ружейный огонь. Вскоре зулусы приблизились настолько, что их пули тоже стали поражать защитников лагеря. Впрочем, потери англичан были невелики, поскольку они на этот раз сражались из-за укрытия. Да и стрелковая подготовка зулусов была очень слабой, хорошо стрелять умели лишь считанные единицы (такие стрелки были собраны в отряд, который король держал в качестве лейб-гвардии) (David, 2005: 118).

Все до единого британцы сознавали, что вопрос идет о жизни и смерти: плачевный пример Исандулы был еще совсем свеж в памяти. Весь гигантский укрепленный четырехугольник лагеря изрыгал потоки огня и дыма: патронов у стрелков теперь было вдоволь. Ветер относил эти тучи дыма в сторону противника, и зулусы за его завесой были невидимы, но все чувствовали их грозное приближение по возрастающему грому боевой песни (Строгов, 2002: 18).

Вдруг ветер изменился, и пелену дыма унесло в сторону. Все увидели, как сомкнутые шеренги черных воинов с чудовищной скоростью неудержимо неслись вперед легкими, ровными, гигантским скачками прямо на пожирающий их огонь. Вот они уже в тысяче шагов от укреплений, но защитники лагеря не успели опомниться, как черная живая стена придвинулась совсем близко. Видно было не только вооружение воинов – ясно можно было различить угольно черные лица зулусов с горящими дикими глазами и ослепительно сверкающими зубами. И позади передних рядов, куда только глаз хватал, до самого горизонта катилась эта сплошная черная лавина. Вот уже качающиеся султаны замелькали у самых укреплений, скатились в ров и показались на брустверах (David, 2005: 237).

Сплошной ружейный огонь косил безумных смельчаков как траву. Вскор весь ров наполнился телами сраженных воинов; но по ним как по мосту накатывались все новые и новые шеренги, чтобы вновь пасть под пулями защитников лагеря, не видевшим иного для себя спасения, как в непрерывном заградительном огне, которым гигантский лагерь дышал словно вулкан. Отдельные черные воины все-таки прорывались за линию укреплений, стремительно кидались к лафетам орудий, но тут же падали сраженные ударом штыка или револьверной пулей... (David, 2005: 238).

Никто из участников сражения впоследствии не смог сказать – сколько длилась эта дикая бойня, хотя в донесении о ходе было указано время 20 минут, но солдатам они показались часами. Но вот, понеся неисчислимы потери, атакующие истощились: натиск зулусов стал ослабевать. Еще минута – и черные ряды замедлили свое движение, заколебались и отступили. Вдогонку за ними кинулись драгуны, рубя отступающие остатки грозной армии. Однако силы англичан были настолько подорваны, что преследование пришлось прекратить, и возвратить драгун в лагерь. Пальба смолкла, наступившую тишину нарушали лишь стоны раненых, раскиданных на необозримом пространстве. Оставшиеся в живых зулусы переправлялись обратно через реку. Потери англичан 11 убитых и 62 раненых. Зулусы потеряли более 1000 воинов – над горами поверженных тел уже плавали в небе стаи хищных птиц (Watson, 1996: 273).

На следующий день после боя англичане вступили в осажденный с 22 января форт Эков, гарнизон которого дошел до пределов истощения. Главнокомандующий подумывал продолжать наступление в глубь страны, но вынужден был от этого воздержаться: натальские зулусы исчисляли участвующую в сражении армию Кечевайо не более как в пятнадцать тысяч человек, стало быть, у зулусов еще имелись нетронутыми большие силы.

Через два дня, дав отдых армии и взорвав форт Эков, главнокомандующий двинулся обратно (Maylam, 1986: 225).

При подготовке к наступательным действиям, 1 июня 1879 года, трагически погиб сын французского императора Наполеона III (Charles Louis Napoléon Bonaparte; 1808—1873), проходивший стажировку в британских колониальных войсках. Отряд, где служил наследник французского престола Эжен Луи Бонапард (Napoléon Eugène Louis Jean Joseph, Prince Impérial; 1856—1879), отправившийся в Южную Африку на поиски ратной славы, наткнулся на засаду зулусов. Во Франции это нанесло сокрушительный удар по поднявшейся было партии бонапартистов (Cope, 1999: 276).

Накопив крупные силы, лорд Чельмсфорд решил вновь перейти в наступление. И вот в начале июня огромные колонны англичан вместе с обозом двинулись снова в страну зулусов. 2 июля 1879 года вдали показался Улунди. Вопреки ожиданиям зулусы не оказали сопротивления, и армия лорда Чельмсфорда беспрепятственно форсировала реку Умфолози. Однако это был только ловкий маневр Сетевайо. Он втянул английскую армию в неукрепленную местность и внезапно атаковал с трех сторон (Watson, 1996: 231).

Но англичане не дремали: они выставили во все стороны свою артиллерию и замкнули в арьергарде каре. Всего британское каре состояло из 5300 человек пехоты (из них 1005 туземцев), которых прикрывали около 900 кавалеристов, как британских, так и туземных частей. Тотчас зулусы начали атаку. На этот раз они наступали в глубоком молчании, словно шли на верную смерть и только старались дороже отдать свои жизни. Но их силы были подорваны значительными потерями в предыдущих боях: в иных полках оставалось по 200—300 бойцов (David, 2005: 246-247).

Не раз волны черных воинов подкатывались к самому каре англичан. Напрасно: они словно таяли под огнем, изрыгаемым ружьями и пушками английской армии, вооруженной по последнему слову европейской техники... Зулусским стрелкам, которые залегли за камнями и другими естественными укрытиями, удалось причинить некоторые потери английской пехоте, но это не повлияло на ход боя. Большинство зулусских стрелков брали слишком высокий прицел и их пули обычно пролетали над головами англичан. Британцы, несмотря на то, что были построены плотным каре, потеряли от огня зулусов всего 13 человек убитыми и 87 ранеными (Зулусские войны, 1977: 128).

Наконец зулусы повернулись и стали поспешно отступать. За ними кинулись уланы и драгуны. Зулусы, как могли, отбивались на бегу. Вскоре английская кавалерия ворвалась с налету в Улунди, брошенный населением, пустынный, точно вымерший. Конники преследовали бежавшего противника, пока на равнине, где проходило сражение, не осталось ни одного живого зулуса. Туземные кавалеристы занялись добиванием раненых. Фактически битва при Улунди свелась к методичному расстрелу англичанами атаковавших зулусов. Все их попытки сблизиться для рукопашной оказались тщетными — ни разу в ходе боя им не удалось подойти к каре ближе, чем на 30 ярдов. После получасового огня английских орудий, картечниц Гатлинга и тысяч винтовок зулусская армия перестала существовать как организованная сила. В этом бою англичане потеряли всего 100 человек, зулусы более 1500 только убитыми (Binns, 1963: 246).

5. Заключение

Это было последнее сражение англо-зулусской войны, боевой дух армии Кечвайо оказался сломлен, а управление войсками дезорганизовано. Челмсфорд добился решительной военной победы. Практически с армией Кечвайо было покончено, и его резиденция оглашалась теперь звуками британского гимна. Сам вождь покинул Улунди еще накануне боя, но находился неподалеку и бежал при известии о поражении. Британские части начали его поиск. Боевые действия продолжались в виде отдельных стычек еще несколько недель. Кечвайо был взят в плен 28 июля в лесном массиве Нгоме и отправлен сначала в Кейптаун, где жил в заключении до 1882 года, когда, совершив поездку в Англию, он согласился на британские условия возвращения на престол. Однако попытка восстановления его власти не удалась, натолкнувшись на сопротивление других вождей. В 1883 году в ходе разразившейся гражданской войны Кечвайо погиб (Биннс, 1978: 268).

Используя амбиции племенных вождей, некоторые из которых были предателями, перебежавшими во время Англо-зулусской войны к врагу, страну разделили на

13 обособленных «государств», между которыми инсценировались постоянные войны. Каждый «вождь» подписал договор, где он обещал отказаться от военной системы зулусов. На одном из первых мест в договоре также стояло обязательство поощрять мужчин отправляться на заработки в Наталь или другие британские территории. Также «вожди» обязались отказаться от ввоза огнестрельного оружия и разрешать все споры с другими «вождями» при посредничестве британского резидента. В остальном зулусы вначале получили полную автономию. Окончательно обескровив государство, англичане в 1887 году включили его под названием Зулуленд в состав своей колонии Наталь.

Литература

- Биннс, 1978** – *Биннс Ч.Т.* Динузулу. Конец династии Чаки. М.: Наука, 1978.
- Зулусские войны, 1977** – Зулусские войны. Советская военная энциклопедия / под ред. Н.В. Огаркова. Т. 3, М., Воениздат, 1977.
- История Африки, 1984** – История Африки в XIX – начале XX в. / колл. авт., отв. ред. В.А. Субботин. 2-е изд., пер. и доп. М., «Наука», 1984.
- Строгов, 2002** – *Строгов И.* Война с зулусами // *Журнал «Мастер-ружьё»*, № 61, апрель 2002.
- Binns, 1963** – *Binns C.T.* The Last Zulu King. The Life and the Death of Cetshwayo – London: Longmans, 1963.
- Colenso, 1880** – *Colenso F.E.* History of the Zulu War and Its Origin, London, Chapman & Hall. 1880.
- Cope, 1999** – *Cope R.L.* Ploughshare of War: The origins of the Anglo-Zulu War of 1879. Pietermaritzburg, 1999.
- David, 2005** – *David Saul.* Zulu, the Heroism and Tragedy of the Zulu War of 1879. Penguin Books, 2005.
- Donald, 1972** – *Donald R. Morris.* The Washing of the Spears: a History of the rise of the Zulu nation under Shaka & its fall in the Zulu War of 1879. Jonathan Cape, London, 1972. 655 p.
- Katorin, 2014** – *Katorin Y.F.* The Battle of Isandlwana (The Price of Quartermaster Formalism) // *Voennyi Sbornik*, 2014, № 4 (6), pp. 196-208.
- Maylam, 1986** – *Maylam P.A.* History of the African People of South Africa: from the Early Iron Age to the 1970s. London: Groom Helm; David Philip, 1986.
- Military Heritage, 2005** – Military Heritage discussed Rorke's Drift and the politics of the Victoria Cross (Roy Morris Jr., Military Heritage, August 2005, Volume 7, No. 1).
- Vijn, 1880** – *Vijn C.* Cetshwayo's Dutchman; Being the Private Journal of a White Trader in Zululand During the British Invasion. London: Longmans, Green, and Co., 1880.
- Watson, 1996** – *Race William Watson.* Anglo-Zulu War: Battle of Hlobane. historynet.com. – Military History Magazine, June 1996.

References

- Binns, 1978** – *Binns Ch.T.* (1978). Dinuzulu. Konec dinastii Chaki [End of a dynasty of Chucky]. M.: Nauka.
- Istorija Afriki, 1984** – Istorija Afriki v XIX – nachale HH v. [African history during the 19th and early 20th century]. Koll. avt., otv. red. V.A. Subbotin. 2-e izd., per. i dop. M., «Nauka», 1984.
- Strogov, 2002** – *Strogov I.* (2002). Vojna s zulusami [War with the Zulus]. *Zhurnal «Master-ruzh'e»*, № 61, aprel'.
- Zulusskie vojny, 1977** – Zulusskie vojny [Zulu war]. Sovetskaja voennaja jenciklopedija. Pod red. N.V. Ogarkova. T. 3, M., Voenizdat.
- Binns, 1963** – *Binns C.T.* (1963). The Last Zulu King. The Life and the Death of Cetshwayo – London: Longmans.
- Colenso, 1880** – *Colenso F.E.* (1880). History of the Zulu War and Its Origin, London, Chapman & Hall.
- Cope, 1999** – *Cope R.L.* (1999). Ploughshare of War: The origins of the Anglo-Zulu War of 1879. Pietermaritzburg.
- David, 2005** – *David Saul.* (2005). Zulu, the Heroism and Tragedy of the Zulu War of 1879. Penguin Books.

Donald, 1972 – *Donald R. Morris*. (1972). *The Washing of the Spears: a History of the rise of the Zulu nation under Shaka & its fall in the Zulu War of 1879*. Jonathan Cape, London, 655 p.

Katorin, 2014 – *Katorin Y.F.* (2014). *The Battle of Isandlwana (The Price of Quartermaster Formalism)*. *Voennyi Sbornik*, № 4 (6), pp. 196-208.

Maylam, 1986 – *Maylam P.A.* (1986). *History of the African People of South Africa: from the Early Iron Age to the 1970s*. London: Groom Helm; David Philip.

Military Heritage, 2005 – Military Heritage discussed Rorke's Drift and the politics of the Victoria Cross (Roy Morris Jr., *Military Heritage*, August, Volume 7, No. 1.

Vijn, 1880 – *Vijn C.* (1880). *Cetshwayo's Dutchman; Being the Private Journal of a White Trader in Zululand During the British Invasion*. London: Longmans, Green, and Co.

Watson, 1996 – *Race William Watson* (1996). *Anglo-Zulu War: Battle of Hlobane*. historynet.com. — *Military History Magazine*, June.

Сражение у Гигиндлову, конец государства зулусов

Юрий Федорович Каторин ^{а, *}

^а Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассказывается о втором этапе Англо-зулусской войны 1878-1879 гг, при этом описана подготовка к экспедиции в земли зулусов лорда Чельмсфорда, приведены данные по численности и вооружению английской армии, подробно описан ход основных сражений кампании у Гигиндлову и Улунди, приведены потери сторон, проанализированы причины поражения зулусов и последствия разгрома армии Кечвайю.

Ключевые слова: Англо-зулусская война 1878-1879 гг., лорд Челмсфорд, сражение у Гигиндлову (2 апреля 1879 г.), вождь зулусов Кечвайю, взятие Улунди.

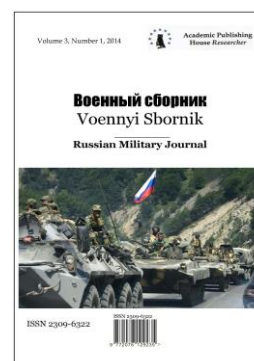
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: katorin@mail.ru (Ю.Ф. Каторин)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 1858.
 E-ISSN: 2409-1707
 2018, 6(1): 10-17

DOI: 10.13187/vs.2018.1.10

www.ejournal6.com

The Format of the Six-Party Negotiations on the North Korean Nuclear Issue (2003–2010): Position of the Russia

Elena Yu. Litsareva ^{a,*}^aTomsk State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the six-party negotiation format on the North Korean nuclear issue, involving Russia, China, United States, Japan, Democratic People's Republic of Korea (DPRK) and Republic of Korea, formed officially in 2003. Russia, China and Republic of Korea have promoted the idea of keeping and using this format after the settlement of North Korea nuclear crisis to address other security issues at North-East Asia, especially related to new threats. North Korea's nuclear tests, in fact, throughout the period of the negotiations on the North Korean nuclear issue showed the inefficiency of the existing political and military-force means in East Asia to counter the spread of nuclear weapons. The threat of nuclear proliferation became especially acutely in the East Asia by the beginning of the 21st century. In the spring of 2013, North Korea's threats of nuclear attack on the United States and the Republic of Korea were the pretext for the concentration of the American military power and presence of the intelligence assets not so far from Russian Far East. Spring events of 2013 on the Korean peninsula and the aggravation of the crisis in the spring – autumn of 2017 indicate that Russian balanced policy here can be one of the key elements, governing the relations in this area of East Asia.

Keywords: Korean peninsula, six-party negotiation format, North Korea, nuclear issue, Russia

1. Introduction

In the modern East Asian military security system, the development of the situation on the Korean peninsula is great importance for Russia and regional countries. So the six-party negotiation format on the North Korean nuclear issue, involving Russia, China, United States, Japan, Democratic People's Republic of Korea (DPRK) and Republic of Korea, formed officially in 2003, has always attracted the close attention of the policy makers and the researchers (Ban Ki-moon, 2013; Del Valle, 2013; Cronin, 2012; Mansourov, 2013). Moreover, the North Korean nuclear program was an experimental platform for the coordination actions of the parties, involved in the field of East Asia security (Yaqing, 2006). Besides that, experts of Russia, China and Republic of Korea have promoted the idea of using this format after the settlement of North Korea nuclear crisis to address other security issues at North-East Asia, especially related to new threats. In addition, the six-party talks on the North Korean nuclear problem could be a step towards the establishment of a multilateral system of security in the region. At the same time, according to Russian and South Korean experts, the settlement of the nuclear issue on the Korean peninsula

* Corresponding author

E-mail addresses: elits2011@mail.ru (E.Y. Litsareva)

cannot be achieved without the normalization of inter-Korean relations ([Security and Cooperation in Northeast Asia, 2015](#)).

2. Materials and methods

The author of the article used participant observation, analysis of primary and secondary sources of information. Expert opinions, concerning the main issues of the article, were collected on open resources, namely on special websites, journal publications and monographs. Methods. The author of the article uses comparative-historical and problem-chronological methods.

3. Discussion and results

The period, following after the war between the Democratic People's Republic of Korea(DPRK) and Republic of Korea (1950-1953), became not only a period of attempts to settle the inter-Korean relations, but also four major global powers constant pushing of interests—Russia, China, Japan and the United States. North Korea's desire to possess nuclear weapons has contributed to the dramatic deterioration of the situation. It was too dangerous because this country was beyond the control of the International Atomic Energy Agency (IAEA) and outside the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT).

In the initial phase (1950-70), the USSR and partially China helped the North Korea as to the fundamental research, related to nuclear weapons, including the establishment of the necessary infrastructure and preparation of technical and scientific staff. Since the late 1970 's and, in fact, to the present, North Korea continues to develop its scientific and industrial base by attracting foreign investors to create atomic energy complex of the country for removing the energy problem. Over the years, Beijing has provided the economic assistance and diplomatic protection for the North Korean regime from the United States and other States. Against the backdrop of China rapid economic and military growth, as well as the struggle for political leadership in the East Asia, its role in North Korean nuclear crisis have intensified. All this happened while reducing the weight of Russia in the 1990s and lacking of the United States clear position, regarding the determination of the East Asia place in its foreign policy strategy. For most East Asia countries, the United States position in the field of security was the main problem in the post-cold war era. First, it wasn't so sure that America, in fact, was the sole superpower of the world. At the same time, the formation of a multipolar world order was to counteract the United States military predominance. Moreover, it was obvious that the United States, in principle, had not enough financial or technical resources for support the predominance ([Litsareva, 2014: 176](#)).

After the collapse of the Soviet Union and the termination of the Soviet military threat, the intention of the United States to reduce its direct military presence in the East Asia made a significant impact on changing the balance of power in the region. It was connected with a problem of the allies and military bases. This problem was not directly related to the United States "joint defense agreements" with South Korea (1953) and Taiwan (1954), which were an integral part of the United States and the Soviet Union military blocs and alliances system after the World War II. In addition to Taiwan and South Korea, the United States had similar agreements with Japan, Australia, New Zealand and the Philippines, and the Soviet Union-with the People's Republic of China. The "Block policy" of the United States and its allies in the East Asia was not such successful as in other regions. Established blocks, ANZUS-Australia, New Zealand, the United States (1951) and SEATO-United States, United Kingdom, France, Australia, New Zealand, the Philippines, Thailand, Pakistan (1954), were not sustained, such as the NATO. They virtually ceased in 1970s.

However, with the United States troops and assistance, the South Korea had become important strategic location in the region. It was, in fact, the US military base in the East Asia. In addition, the United States and Japan provided economic assistance, loans and credits to South Korea (since the mid 1960s) ([Litsareva, 2014: 177](#)). The presence of US 43-strong contingent troops at South Korea, armed with the latest technology and nuclear weapons, the militarization of this state, as well as the desire of the United States to place on the territory of the South Korea the medium-range nuclear weapons, including cruise missiles, indicated that the United States planned to turn South Korea into factor of the global military-strategic importance. In this regard, the North Korean Government has always been concerned about the security of the regime and believed that the existence of nuclear weapons could stem from military force using by the United States and South Korea. In the negotiations, including with the participation of the United States,

the existence of nuclear weapons gave certain advantages to the Government of North Korea.

Today it is the most conflict regional zone, problems that for a long period remain unresolved. At the beginning of the 21st century, the threat of the nuclear weapons proliferation in East Asia faced particularly acute. An important role in the formation of the six-party format on the North Korean nuclear issue has played a «Dialogue cooperation of the North-East Asia» with the participation of the United States and North-East Asia countries, including Russia and the DPRK. It is the conferences in October 2002 in Moscow and in August 2003 in Beijing, including North Korea, in the framework of «Dialogue», showed that the full six-party format could exist.

In 2003, notifying all countries within the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, North Korea formally withdrew from the Treaty. Since then the nuclear programmer of the North Korea, based on statements that seemed initially peaceful, began to acquire military thrust. China was very puzzled by this. It planned to send a special representative to North Korea to convince leadership of the need to conduct the first round of the pentilateral negotiations (DPRK, Republic of Korea, Japan, China and the United States) on settlement of the nuclear issue in July-August 2003. Initially, China refused to direct participation in the negotiation process on the North Korean nuclear problem and insisted on the trilateral format (DPRK, Republic of Korea and the United States). Then Beijing agreed not only to its participation, but also to provide China's territory for six-party talks, including Russia. China has spoken sharply against the boycott of the North Korea and entering any sanctions against DPRK. During the conducting US-North Korea consultations (July 31, 2003) on the negotiations as to the North Korean nuclear issue and the discussion on the possible format and participation, it is the North Korean proposed a new approach- the six-party talks, involving Russia, normalizing relations with our country after the following reciprocal visits of North Korean and Russian leadership over the previous two years.

In the first six-party talks on the North Korean nuclear issue, held in Beijing ([August 27-29, 2003](#)), all participants expressed hopes to reduce doubt and creating a climate of trust through dialogue to peacefully resolve North Korean nuclear weapons problem, considering that the six-party talks provide a real opportunity for peace in North-East Asia ([Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2003](#)). North Korea promised to abandon development of nuclear weapons, if the United States meet four basic requirements: signing of the non-aggression pact, diplomatic relations establishment with the DPRK, North Korea's economic cooperation with Japan and the Republic of Korea, the provision of light-water reactors to the DPRK for energy needs. Despite the fact that a joint document was not adopted, the participants agreed to continue the dialogue and to agree on dates for a new round of consultations through diplomatic channels. 25-28 February 2004, the second round of the six-party talks to resolve the North Korean nuclear crisis hosted in Beijing, which ended with an agreement to continue negotiations. It was also expected to create a working group between the main rounds of negotiation.

In 2005, the situation has worsened significantly. Despite the attempts to the six-party talks on the Korean peninsula nuclear issue throughout 2005, on February 10, 2005 DPRK first recognized the creation of its own nuclear weapons. In response to the demands of the United States to collapse the nuclear programmers the Government of the DPRK officially announced the existence of nuclear weapons and the intention to develop nuclear arsenal in order to protect ideas and political system of the North Korea. In doing so, the DPRK Government has repeatedly stated about its right to the peaceful use of atomic energy. The North Korea also intended to realize the normalization of bilateral relations with Japan in order to overcome the unresolved political and psychological conflicts. These conflicts had historical roots and were connected with the consequence of Japanese colonial period in the region. After the United States declared economic sanctions on an Asian Bank in Macau (September 2005), through which the DPRK has carried out a significant part of its international currency transactions, North Korea had intended to go out the six-party format negotiations.

In October 2006, Pyongyang conducted the first underground explosion of a nuclear device. On October 14, 2006 the United Nations Security Council resolution relative to the North Korean nuclear test was adopted ([United Nation Security Council Resolution, 2006](#)). In accordance with this resolution, there was a prohibition on the supply, sale or transfer to the DPRK of any military equipment and weapons, materials, technologies that can be used in nuclear research.

In such circumstances, China was not interested in worsening of the situation at the Korean peninsula and stopped oil shipments to North Korea (the DPRK imported from China about 90 %

of all the energy resources). Largely due to the economic pressure of China at the end of October, 2006 the DPRK announced that it returned to the negotiating table. The North Korea demanded that during the negotiation, along with discussion of the nuclear issue, the question of the United States economic sanctions withdrawal should be discussed.

In fact, continuing North Korea's nuclear tests, showed the inefficiency of the existing political and military-force means in East Asia to counter the spread of nuclear weapons. At the same time, a year later, during the process of the six-party negotiations, the agreement on a phased implementation of the DPRK denuclearization measures was reached and Yongbyon nuclear reactor, founded in 1964 with the assistance of the USSR, was stopped (Ban Ki-moon, 2013). In addition, there were established working groups on the denuclearization of the Korean peninsula; economic and energy cooperation; on the peace and security mechanism at North-East Asia; the normalization of bilateral relations of the DPRK with the United States and Japan.

Gradually it became clearly, that the DPRK has reviewed its nuclear program not so much as an instrument of military deterrence, as a means of obtaining financial assistance from the United States and security guarantees. Some experts have argued that the United States not just for many years, closed eyes on North Korea, helped it to create the atomic industry and even allowed (unlike Iraq) to obtain nuclear weapons. They believed that Pyongyang was "useful enemy" for Washington and threat, which was the pretext for the American military presence at the South of China. The purpose of such "Asian belt" was not only to counter the North Korean threat and justify the American presence at the region, but also to surround the main geo-strategic enemy of the United States – China, which together with Russia was a member of the Central Asian alliance against the American hegemony- the Shanghai Cooperation Organization (Del Valle, 2013).

During an underground nuclear explosion in 2009, the North Korea stated that nuclear testing was carried out in order to "protect the highest interests of the Republic" and "the sovereignty of the country and the nation" in the face of the threats of preventive attack and strengthening of United States sanctions (Radio Pyongyang (voice of Korea), 2009). After the launch in April 2009 the carrier rocket to launch the pilot experimental communications satellite and the ensuing threat to strengthen sanctions, the North Korea announced the withdrawal from the six-party talks and the intention to develop a nuclear deterrent. Despite the fact that, China has proposed to hold emergency consultations among the heads of six-party talk's delegations in December 2010, but an initiative of the China has not found response. Gradually, the North Korea became a very restless ally for China, which increasingly put him in an uncomfortable situation. The DPRK was not subordinated to any dictates, even from China. For years, the Beijing has provided an economic assistance to the North Korea and diplomatic protection from the United States and other States. China found itself in a difficult situation. On the one hand, China wanted to stand in one number with other Nations, on the other hand, could not throw its ally.

Over the past decades, the North Korea alternated periods of provocation with periods of tension reducing, when the DPRK, under the pressure of China agreed to return to the negotiating table, renouncing nuclear weapons on the peninsula. Many times the North Korea promised to inflict a crushing blow on the "United States puppets" in the South of the peninsula, declared martial law, the mobilization of the army and the large-scale exercises. There have been two military incident in 2010 – the South Korean Corvette – Cheonan sinking by the North Korean submarine and the shelling of the island Ænphënd. The North Korean regime tone tightened in February 2013, because of the new leadership of Kim Jong Un. It was very important for Kim Jong Un to strengthen his position and power, as all regional leaders were a new: the new Government in China, the new President of South Korea, the new Prime Minister in Japan (Cronin, 2012; North Korea in nuclear hysterics, 2013).

The third nuclear test, conducted by Pyongyang in February 2013 led to the strengthening of the UN sanctions and threats of retaliation from the North Korea. That prompted the international community to look at the North Korea more seriously than simply as a country that all the time something requests (Mansourov, 2013). In conjunction with the third nuclear tests and satellite launch a few months earlier, the North Korean threat to use nuclear weapons to the United States, the consolidation of nuclear status in the State Constitution and resumption of the plutonium-producing reactor in the Yongbyon had irreversible consequences not only for the Asia but also for the whole world. Many were concerned whether the North Korea was a full-fledged nuclear power and whether it was prepared to use nuclear weapons, as well as whether the DPRK had a warhead,

which can be applied to the intercontinental ballistic missile ([Corées..., 2013](#)).

In general, despite the six-party talks on the North Korean nuclear problem, the picture was next. For the twenty years (since 1993 to 2013), the DPRK has made five test launches of medium-range missiles and space launch vehicles of different types. The truth is that, test holding has been hampered by the fact that in 1999 the DPRK declared a moratorium on the testing of missile weapons except for short-range missiles under the international pressure and in exchange for promises of aid. The official statements of the North Korea showed that country had intercontinental ballistic missiles equipped with nuclear warheads. A small number of nuclear bombs and warheads (from 4 to 10) was based on plutonium, enriched at a small 5-megawatt reactor in Yongbyon before the 2007, when nuclear complex was closed. In 2010, it was an information about uranium enrichment plant in North Korea. Remained unknown, whether DPRK had nuclear weapons with depleted uranium warhead. It was still a mystery, why the leadership of North Korea renounced its plutonium production programmer and, instead that, made its priority the enrichment of uranium. The expert of the International Institute for strategic studies Mark Fitzpatrick speculated that "uranium enrichment complexes are easier to hide", and discovered complex in 2010 was not only. "In addition, certain types of uranium warheads are lighter to produce than other types of nuclear weapons... Probably, North Korea has purchased the technology for weapons manufacturing (based on enriched uranium) from the same Pakistan suppliers that sold nuclear technology to Libya and Iran" ([Fitzpatrick, 2013](#)). It was also known that the North Korean missile programmer developed in collaboration with Iranian and Pakistan programmers, and some tests could take place on the territory of these countries.

However, as whole, the development of nuclear programs has become an important part of the overall national security policy of the North Korea. At the same time, there were several reasons for the desire of the DPRK to develop and have its own nuclear weapons. First of all, the North Korean Government has been concerned about the regime security and the existence of nuclear weapons could restrain the United States and South Korea on the use of military force. The existence of nuclear weapons gave advantages on any kind of negotiations, including with the participation of the United States. In connection with a complex economic situation, the North Korea has always expected to get certain economic benefits from humanitarian assistance in exchange for phasing out its nuclear programmers. In any case, since the emergence of North Korean nuclear issue the DPRK political regime has sought to resolve it expeditiously, pursuing the main objective - to ensure the country's security through the elimination of any contradictions with the principal, including United States, potential adversaries.

At the same time, in the spring of 2013, North Korean threats of nuclear attack on the United States and the Republic of Korea have led to the intention to strengthen the United States missile defense in Alaska by 2017 through 14 interceptors ([North Korea in nuclear hysterics, 2013](#)). United States stated about placing at Guam anti-missile system, known as mobile ground-based complex for high-rise extra-atmospheric intercept medium-range missiles for the protection of US military bases, located there from North Korean medium-range missiles ([Barnes, Entous, 2013](#)).

Strengthening of the United States military presence at East Asia was supposed to come at the expense of the other regions. Once in November 2011, the administration of President Obama announced the "rebalancing" policies from wars at the Middle East "to the Asia-Pacific region," the new strategic balance, or pivot, it was supposed to provide by a "complex diplomatic, economic, budgetary and safety initiatives" ([McDevitt, 2012](#)). About billion supposed to get from the reduction of Europe missile defense development programmer.

The North Korea threats of nuclear attack on the United States and the Republic of Korea in the spring of 2013 have led to automatically launch a mechanism of preventive actions on the part of the US and South Korea, aimed to prevent a nuclear strike from the North Korea, including the buildup of United States military power at the region and the concentration of intelligence tools at the Korean peninsula in the area of the DPRK, not far from Northeast China and the Russian Far East.

Russian experts and politicians believed that without the normalization of inter-Korean relations, the settlement of the nuclear issue at the Korean peninsula could not be achieved. It was necessary to solve both tasks at the same time - "to freeze" and then dismantle the North Korean military nuclear programmer with the return of DPRK in Non-Proliferation of Nuclear Weapons and under the guarantee of the International Atomic Energy Agency; defusing political tensions at the Korean peninsula and the development of the relations between North Korea, on the one hand,

and South Korea and the other countries in the region, with another” ([Security and Cooperation in Northeast Asia, 2015](#)).

In the spring of 2013, the North East Asia has become the center of a military confrontation, and developments on the Korean peninsula – an indication that the East Asia security and, in particular, North East Asia security system, had to include all states, geographically related to the region, including the United States, for which the "pivot" or "return" to East Asia, showed the importance of the region in foreign policy. In this regard, the effective collective security solution, multilateralism and openness of the negotiation process without blackmail and intimidation were vital for the states of the region.

East Asia security problems and the situation on the Korean peninsula directly affected the Russia vital interests here. Relations with the East Asian countries in the field of military-political and military-economic spheres, as well as the use of emerging opportunities for Russia inclusion in regional security structures, economic integration and thus ensuring its national interests in the East, remained extremely important tasks for Russia. Possessing a unique thousand-year experience of the interaction with the majority of East Asian countries, Russia "doomed" to be one of the key actors in the region.

As showed the process of the six-party talks on the North Korean nuclear issue and split situation at the Korean peninsula from 2003 to 2013, Russia has consistently led the line on maintaining contacts with both Koreas in order to be able to influence on the situation in that volatile area. Significant lagging of Asian direction behind the needs and strategic interests of the Russia and passivity of the Russian presence in the East Asia at the beginning of the 1990s because of large-scale size reduction of the Russian armed forces at the Far East, as well as a departure from North Korea were clearly erroneous. The reduction of the level of Russian relations with North Korea, including military-technical relations, in general, had a negative impact on security in the North East Asia. Pyongyang began to rely on "absolute" means of defense, not hoping for support of the major powers, and in addition to the nuclear programmer, North Korea has accelerated work in the field of missile area. As the experience of the six-party talks on the North Korean nuclear issue has shown, DPRK deducing from rigid isolation, including with the participation of Russia, was in the interest of all participants. This became especially important for the stabilization of the geopolitical situation in the face of the deterioration of the crisis at the Korean peninsula in the spring - autumn of 2017. «...It made the Kremlin once again consider the possibilities for Russia to influence the situation close to its borders»([Toloraya, 2017](#)).

At the same time, it became apparent that South Korea dependence on the United States in the military and military-economic field increasingly burdened this country. In this regard, Russia was considering very carefully the possibility of cooperation with the Republic of Korea in the technical sphere, as well as in the sphere of improvement of its military-industrial base.

Spring events of 2013 on the Korean peninsula and the aggravation of the crisis in the spring – autumn of 2017 indicate that Russian balanced policy here can be one of the key elements, governing the relations in this area of East Asia. Today, no one can take the place of Russia in these relations, even, United States, despite their attempts in some years, to engage in a constructive dialogue with the authorities of the DPRK. Domestic circumstances and the conventional image of North Korea as an enemy in the eyes of the American public opinion do not allow the United States to do so. At the same time, it would be highly desirable the holding of the United States and Russia agreed policies in the various areas on the Korean peninsula with a view to continuing this cooperation in the future.

It is necessary to consider the following: Russian proposals on political-diplomatic means of solving the North Korean nuclear issue and Korean problem are coordinated with the current South Korean approach, aimed at direct dialogue, multiparty talks, and the eventual creation of a collective security system in North East Asia. This is very similar to the position of Russia, the Republic of Korea and China, which they demonstrated, when the six-party negotiation format on the North Korean nuclear issue was only formed, - using this format after the settlement of North Korea nuclear crisis to address other security issues at North-East Asia. Former diplomat and Chair, Regional Programs, “Russkiy Mir” Foundation Georgy Toloraya considers that “a general discussion on the possible mechanism for the talks and principles of peace and cooperation in Northeast Asia should be conducted in the relevant working group of the former Six-Party talks (headed by Russia). This could be reestablished as an organizing bureau or secretariat for future

multi-party talks” (Toloraya, 2017).

4. Conclusion

It is not possible to return to the six-party negotiation format on the North Korean nuclear issue 2003-2010, nor form or nor content. It is not enough to solve the nuclear problem only, but it is necessary to consider a wide range of issues on security and cooperation on the Korean Peninsula in general. However, here, much depends from the normalization of inter-Korean relations.

References

- Ban Ki-moon, 2013** – Ban Ki-moon (2013). Nuclear threats not a game'. Euronews, April 2. [Electronic resource]. URL: <http://ru.euronews.com/2013/04/02/ban-ki-moon-nuclear-threats-not-a-game> (accessed – 15.12. 2017).
- Barnes, Entous, 2013** – Barnes E., Entous A. (2013). With an Eye on Pyongyang, U.S. Sending Missile Defenses to Guam. The Wall Street Journal, April 4. [Electronic resource]. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323916304578400700347158398> (accessed – 19.12.2017).
- Corées..., 2013** – Corées: quelle forme pourrait prendre le conflit entre Sud et Nord // Atlantico, Avril 4. [Electronic resource]. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/corees-quelle-forme-pourrait-prendre-conflit-entre-sud-et-nord-jean-vincent-brisset-688242.html> (accessed – 19.12.2017).
- Cronin, 2012** – Cronin M. (2012). As the World Rebalances in the Asian-Pacific Century, So Must the United States // Global Asia. A Journal Of The East Asia Foundation, Vol.7. N.4. winter. [Electronic resource]. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/62/as-the-world-rebalances-in-the-asian-pacific-century-so-must-the-united-states.html> (accessed – 15.09. 2013).
- Del Valle, 2013** – Del Valle A. (2013). Menace nord-coréenne: qui de Pyongyang ou des Etats-Unis joue le plus un double jeu? Atlantico, Avril 8. [Electronic resource]. URL: www.atlantico.fr/decryptage/menace-nord-coreenne-qui-pyongyang-ou-etats-unis-joue-plus-double-jeu-alexandre-del-valle-691247.html (accessed – 18.12. 2017).
- Fitzpatrick, 2013** – Fitzpatrick M. (2013). Yongbyon restart: North Korea ramps up nuclear tension // BBC, April 2. [Electronic resource]. URL: www.bbc.co.uk/news/world-asia-22006636 (accessed – 14. 12. 2013).
- Litsareva, 2014** – Litsareva E.Y. (2014). Asia-Pacific Regional Security After the Cold War: Confrontation or the Movement Towards Consent? Voennyi Sbornik, N 3 (5), pp. 175-186.
- Mansourov, 2013** – Mansourov A. (2013). The Rubik's Cube of North Korea Can Be Solved With Creative Thinking. Global Asia. A Journal Of The East Asia Foundation, Vol.8. N.3. fall. [Electronic resource]. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/456/The-Rubik%20%20B1%20%20BFs-Cube-of-North-Korea-Can-Be-Solved-With-Creative-Thinking.html> (accessed – 15.09. 2013).
- McDevitt, 2012** – McDevitt M. (2012). America's New Security Strategy and Its Military Dimension. Global Asia. A Journal Of The East Asia Foundation, Vol.7. N.4, winter. [Electronic resource]. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/61/americas-new-security-strategy-and-its-military-dimension.html> (accessed – 19.12.2017).
- Ministry of Foreign Affairs..., 2003** – Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2003. [Electronic resource]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/chhewtlfht/t25530.shtml> (accessed – 18.12.2017).
- North Korea in nuclear hysterics, 2013** – North Korea in nuclear hysterics. Euronew, March 27. [Electronic resource]. URL: <http://ru.euronews.com/2013/03/27/north-korea-in-nuclear-hysterics> (accessed – 18.12. 2017).
- Radio Pyongyang (voice of Korea), 2009** – Radio Pyongyang (voice of Korea) on the underground testing of nuclear weapons and the nuclear program of the DPRK, and the DPRK's main current doctrine-"songun". Portal about the countries and peoples of the world. [Electronic resource]. URL: <http://www.portalostranah.ru/view.php?id=42> (accessed – 17.12. 2017). [in Russian]
- Security and Cooperation in Northeast Asia, 2015** – Security and Cooperation in Northeast Asia: the Russian-South Korean Experts Joint Paper. RIAC Working papers. N25/2015. The Russian International Affairs Council. [Electronic resource]. URL: <http://russiancouncil.ru/common/upload/WP-NortheastAsia-Russia-25-rus.pdf> (accessed – 17.12.2017).

[Toloraya, 2017](#) – *Toloraya G.* (2017). Restoring Peace on the Korean Peninsula: A Russian Perspective // East Asia Foundation, June 13. [Electronic resource]. URL: http://www.keaf.org/book/EAF_Policy_Debate_Restoring_Peace_on_the_Korean_Peninsula:_A_Russian_Perspective?ckattempt=1 accessed – 18.12. 2017).

[United Nation Security Council Resolution, 2006](#) – United Nation Security Council Resolution 1718 from October 2006/UN doc.S/RES/1718. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/No6/572/07/PDF/No657207.pdf?OpenElement> (accessed – 01.09.2015).

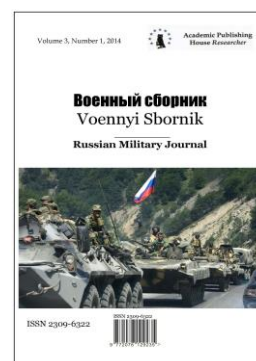
[Yaqing, 2006](#) – *Yaqing Q.* (2006). Prospects for East Asia Community. The Trilateral Commission. pp. 54-60. [Electronic resource]. URL: http://www.trilateral.org/download/file/annual_meeting/eastasia_prospects.pdf (accessed – 04. 01. 2014).

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
E-ISSN: 2409-1707
2018, 6(1): 18-24

DOI: 10.13187/vs.2018.1.18

www.ejournal6.com

Votkinsk Plant on the Transportation's Providing of the Volga-Caspian Canal During the First World War

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, *}, Dmitry Matveev ^c^a International Network Center of Fundamental and Applied Research, USA^b Udmurt federal research center of the ural branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation^c East-European Institute, Izhevsk, Russian Federation

Abstract

To the beginning of the First World War, the Volga-Caspian Canal has acquired a strategic importance, especially for the Baku's oil transit. Due to the specific hydrological conditions, the great importance for its operation had annual dredging. The article shows that a significant share of military shipbuilding orders of Votkinsk plant had a dredgers and soil-carry barges for the Volga-Caspian canal. During the war's years, the factory has passed three dredgers and 18 soil-carry barges. Thus, the Votkinsk plant played an important role in providing military and economic transportations on Volga-Caspian Canal during the First World War.

Keywords: Votkinsk's plant, history, shipbuilding, ship repair, vessel, river transport.

1. Введение

В 1874 г. началось строительство Волго-Каспийского канала, соединившего глубоководное русло реки Бахтемир с Каспийским морем. Если до его открытия грузы и пассажиров приходилось перегружать на плоскодонные плавсредства с небольшой осадкой, чтобы доставить в Астрахань и там снова перегрузить на речные суда, то теперь появилась возможность морским судам с осадкой до 8 футов разгружаться непосредственно в Астрахани, что сильно удешевило перевозки. В 1881 г. работы по углублению Бахтемирского прохода были окончены и открылись регулярные рейсы (Русанов, 2016). Громадное стратегическое значение Волго-Каспийского канала иллюстрируется, например, такими цифрами: грузооборот через Астрахань вырос более чем в 200 раз: с 600 тысяч пудов в 1873 году до 146 миллионов пудов в 1891-м (примерно треть от грузооборота Суэцкого канала!). В 1914 году габариты канала составили: глубина 12 футов (3,6 м), ширина – 6 сажень (128 м), длина судоходной прорези – 33,2 км (Коданина, 2003). На момент создания канал представляла собой одно из крупнейших в мире гидротехнических сооружений, не имевших аналогов в мировой практике регулирования судоходства в устьях рек. Несмотря на огромное хозяйственное значение, Волго-Каспийский канал оказался чрезвычайно уязвим из-за морских и речных наносов, поэтому безопасная эксплуатация судов была возможна лишь при условии ежегодного эксплуатационного землечерпания (Бабич, 2015: 41).

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov), matveevdv1972@mail.ru (D.V. Matveev)

Так что с регулярными рейсами начались и постоянные путевые работы, так в течение первых семнадцати лет приходилось ежегодно извлекать до 60 тысяч кубометров донного грунта.

2. Обсуждение

Особенное значение канал приобрел с началом Первой мировой войны, ведь это был фактически основным путем получения бакинской нефти.

17 января 1914 г. Товарищ министра Промышленности и торговли Веселаго утвердил очередной заказ заводу на две землечерпательницы типа «Деволант» по цене 240 тыс. руб., 18 15-кубовых (по цене 35 тыс. руб.) и шести 20-кубовых (по цене 45 тыс. руб.) грунтоотвозных шаланд. Срок поставки первых 12-ти шаланд намечался к маю 1915 г., а остального заказа – к сентябрю 1915 г. (ЦГА УР Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л. 1). Но если с землечерпательницами все было более-менее ясно (они принадлежали к удачному типу «Сергей Шубинский»), то относительно шаланд завод просил его проинформировать о проекте: будет ли он предоставлен министерством, или же Техбюро завода должно его разработать самостоятельно. В качестве своих предложений завод отмечал, что если борта шаланд сделать прямыми, а не наклонными, то это может увеличить водоизмещение при той же осадке, или снизить осадку при том же водоизмещении.

В ответном письме 15 марта 1914 г. министерство ответило, что первые шесть шаланд следует изготовить по старым чертежам, как и ранее изготовленные шаланды к каравану землечерпательницы «Сергей Шубинский», а остальные – по новым (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л. 9).

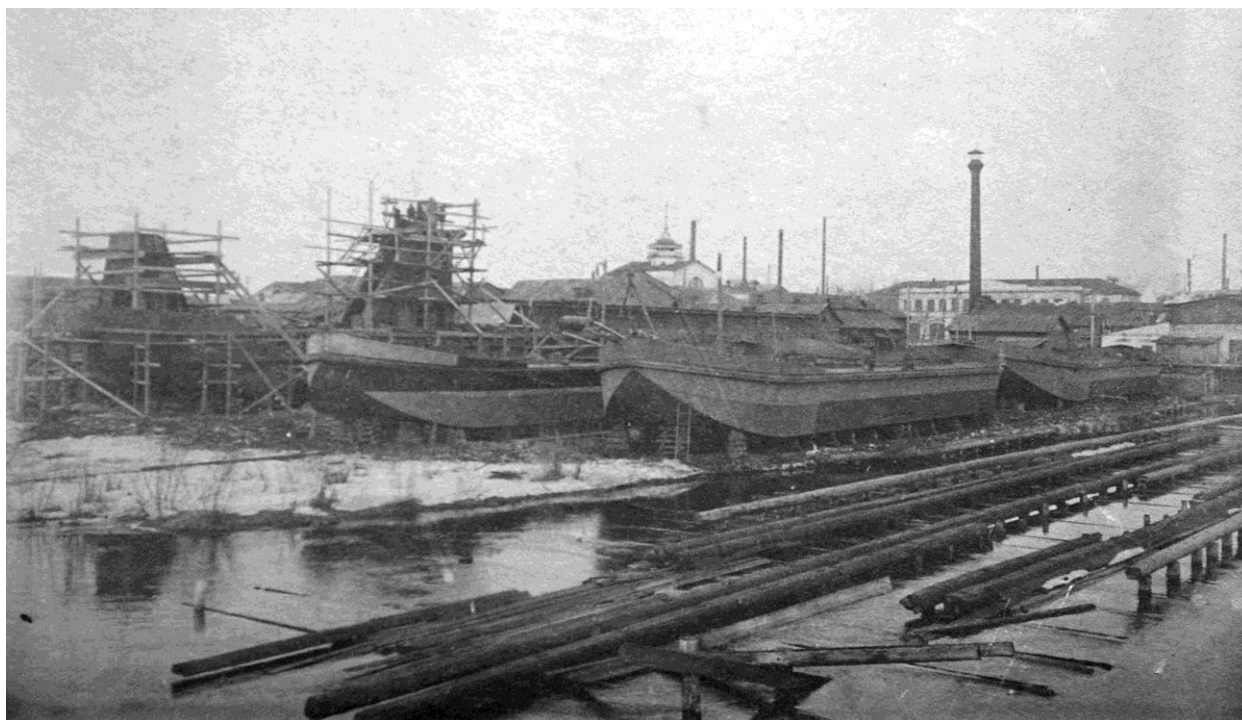

Рис. 1. Постройка землечерпательницы. Фото 1913 г. (АВЗ. Альбом «Судостроение». Фото № 6). На переднем плане постройка трех шаланд. Как видно из фото, строятся одновременно две землечерпательницы, это могут быть только «Руденко» и «Флорин». Исходя из этого, фото может быть только 1914 г., поскольку в 1913 г. строилась лишь одна землечерпательница – «Шуляченко». В 1915 г. они были уже спущены на воду и сданы заказчику.

В 1913 г. завод сдал МПит четыре грунтоотвозные шаланды для каравана «Сергея Шубинского», но в предоставленный министерством проект были внесены небольшие изменения. Так на них был увеличен угол наклона продольных стенок, чтобы улучшить

вываливание грунта. По этому улучшенному проекту и были решено строить первые шесть шаланд (ЦГА УР, Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л. 11). Эта мера позволяла загрузить производство, пока Техбюро разрабатывает и утверждает новый проект. В соответствии с заказом министерства, 24 марта 1914 г. завод приступил к строительству шести 15-кубовых шаланд (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л. 12), заложенные под стапельными номерами 294–299 (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л. 33).

26 июня 1914 г. было разрешено приступить к постройке двенадцати следующих шаланд (номера 301–312). В указанный заказ «вклинилась» землечерпательница для Балтики «Инженер Петерсон» (№ 300). Астраханские же землечерпательницы заложили под номерами 291 («Инженер Флорин») и 293 («Инженер Руденко»).

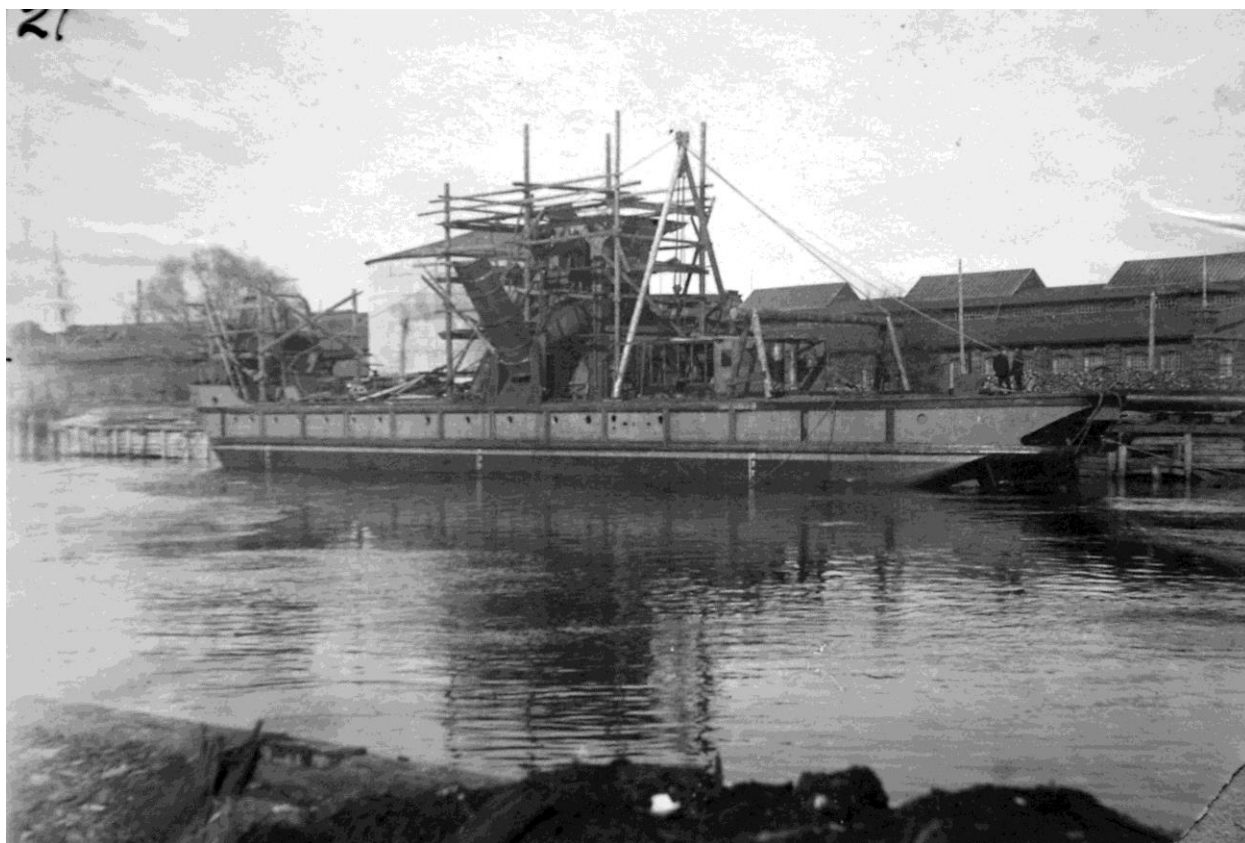

Рис. 2. Постройка землечерпательницы, 1913 г. (АВЗ. Альбом «Судостроение». Фото № 6). Если фото датировано верно, то это постройка землечерпательницы «Шуляченко».

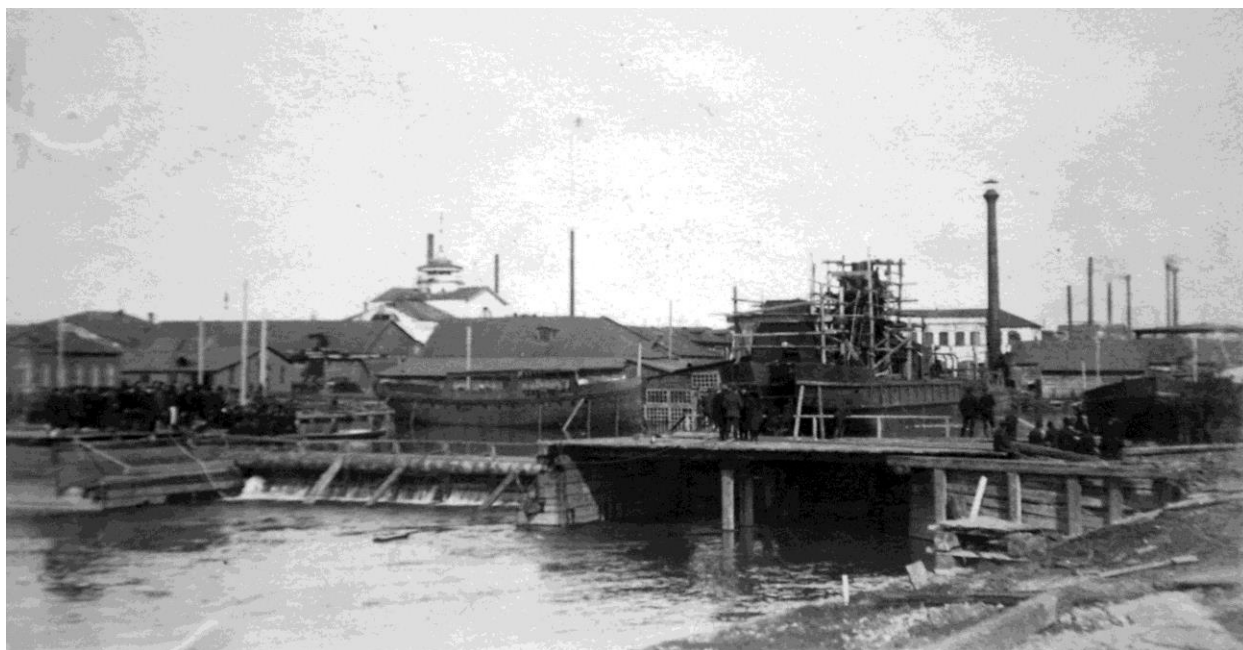

Рис. 3. Судостроительная верфь. Перемычка. 1913 г. (АВЗ. Альбом «Судостроение». Фото № 28). На заднем плане слева виден недостроенный корпус служебного парохода «Кура» или «Терек», значит это действительно 1913 г. В центре в связи с этим может быть только «Шуляченко». Справа на заднем плане – шаланда.

Рис. 4. Готовый корпус баржи. Фото 1913–17 гг. (АВЗ. Альбом «Судостроение». Фото № 30). Это однозначно не баржа, а грунтоотвозная шаланда, что видно по обводам корпуса: шаланды имели характерный скос носа. По-видимому, фото сделано одновременно с фото № 28 (там эта шаланда на заднем плане справа). Исходя из этого фото можно датировать 1913 г., а шаланду – одной из шаланд каравана «Шуляченко».

Начавшаяся Первая мировая война кардинально изменила структуру заводской продукции. Если до начала войны основную массу заказов составляют пароходы, построенные по заказу частных лиц, то теперь завод отдает приоритет государственным заказам. В фондах ЦГА УР имеется Дело с запросами о строительстве пароходов для частных лиц (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11152). Практически все Дело состоит из многочисленных просьб о постройке, при чем на довольно выгодных условиях, с неизменной резолюцией «отказать». Тем не менее, в военных условиях заказу МПит был дан один из высших приоритетов, хотя выполнение полного объема заказа и договорные сроки выдержать не удалось. Отчасти в этом виновато и само МПит. Так уже 10 декабря 1914 г. идет первое существенное изменение условий первоначального контракта. Теперь речь идет о постройке шести 15-кубовых шаланд с изменой конструкцией бортов и фальшбортов (№ 294–299), шести 15-кубовых шаланд по ранее согласованному комплекту чертежей (№ 301–306), названной «тип 1», а еще шесть шаланд должны были стать «типом 2» (№ 307–312). В последней серии была радикально изменена конструкция грунтоотвозного отсека. Шаланда должна была теперь оборудоваться вертикальными стенками по проекту инженера Рождественского, из-за чего рабочий объем снижался с 15 до 11,5 кубов (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л.31). Изменения коснулись последней шестерки шаланд из-за того, что они находились в минимальной степени готовности.

20 ноября 1914 г. первая из изготовленных шаланд № 294 вышла на швартовые испытания с проверкой герметичности отсеков. А 4 января 1915 г. эти же тесты успешно прошла шестая шаланда заказа – № 299. Все они 13-14 мая 1915 г. были сданы заказчику (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л. 46). По итогам года себестоимость заказа составила 156346 руб. 34 коп., в то время как от министерства на счета завода поступила сумма 210 тыс. руб. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11149).

24 августа 1915 г. судьбой Астраханского заказа заинтересовалась Контрольная палата, она потребовала от завода назвать сроки готовности заказанных 10 марта 1914 г. шаланд (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л. 56). Если относительно 15-кубовых шаланд было все более-менее ясно, то к постройке 20-кубовых завод, по-видимому, даже не приступал. Хотя в официальном ответе он написал, что работы по этим шаландам начаты, но приостановлены из-за более срочных заказов и потому в срок сданы не будут (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л. 57). На самом деле администрация кривила душой, на 26 мая 1915 г. она имела лишь разработанные спецификации. А 24 января 1916 г. шесть 20-кубовых шаланд проходят в финансовом отчете, как объекты незавершенного производства, с непонятной степенью готовности (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11149).

29 июля 1915 г. первая из шаланд второй партии № 301 вышла на швартовые испытания с проверкой герметичности отсеков, 7 ноября того же года их прошла последняя шаланда партии № 306 (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л. 60). Относительно сдачи их заказчику, в ответ на запрос министерства, завод 4 июня 1916 г. ответил, что планирует все сдать к августу (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л. 91). Но по ряду причин их смогли отправить в Астрахань лишь 11-го августа, и только 13 сентября заказчик смог подписать приемные акты (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л. 102).

9 июля 1916 г. завод, оправдываясь по поводу нарушения сроков поставки, писал, что из заказанных 18 шаланд шесть сданы еще осенью 1915 г., еще шесть будут сданы в сентябре. На них все готово, кроме гидравлических подъемников, а готовность еще шести отодвигается на весну 1917 г. Из последней партии четыре шаланды уже спущены на воду, а по двум другим полностью заготовлены материалы (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л. 108). Акт приемки на эти шесть шаланд был подписан лишь 19 сентября 1917 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127. Л. 163).

Что касается двух землечерпательниц, то судя по финансовому отчету завода, их закончили еще осенью 1914 г. и в 1915 г. их передали заказчику (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11149). Поскольку на заказ 1914 г. наложился более ранний контракт, в 1915 г. был подписан акт передачи на три землечерпательницы: «Инженер Шуляченко», «Инженер Флорин» и «Инженер Руденко». Себестоимость первого составила 231230 руб. 96 коп. при стоимости контракта 235000, тогда как себестоимость двух последних – 492962 руб. 98 коп (при цене 480 тыс.) (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11149).

Очевидно, получив свой заказ, МПiT 21 мая 1915 г. предложило заводу изготовить еще три землечерпательницы типа «Николай Гора» для Волго-Каспийского канала (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11152). На данном документе имеется резолюция начальника Техбюро З.В. Сумарокова от 25 мая о возможности принятия заказа на следующих условиях – цена первой 337500 руб., срок готовности – двадцать месяцев. В тот же день 25 мая в министерство была отправлена телеграмма о готовности принятия заказа заводом в случае увеличения цены на 5 % с просьбой выслать чертежи. Но 14 июля 1915 г. вышла резолюция МПiT: «из-за военного времени заказ отложить», а 5 декабря заказ был окончательно снят.

3. Выводы

За период Первой мировой войны по заказу Министерства промышленности и торговли для обеспечения навигации по Волжско-Каспийскому каналу Воткинский завод построил три землечерпательницы («Инженер Шуляченко», «Инженер Флорин» и «Инженер Руденко») и 18 грунтоотвозных шаланд (строительные номера 294-312). Это притом, что как любое казенное предприятие военного профиля он имел множество других более приоритетных заказов. Отмеченные факты можно интерпретировать, как тезис, что Воткинский завод сыграл заметную роль в обеспечении военных и хозяйственных перевозок по Волжско-Каспийскому каналу в годы Первой мировой войны.

Литература

АВЗ – Архив Музея Воткинского завода.

Бабич, 2015 – Бабич Д.Б., Иванов В.В., Коротаев В.Н., Пронин А.А., Римский-Корсаков Н.А. Гидрографические, геофизические и русловые методы исследований при изысканиях для улучшения судоходных условий в морских каналах (на примере Волго-Каспийского морского судоходного канала) // *Инженерные изыскания*. 2015. № 2. С. 38-51.

Коданина, 2003 – Коданина А. Волго-Каспийский канал: дорога к морю. В нынешнем году исполняется 130 лет Волго-Каспийскому судоходному каналу // *Большая Волга*. 2003. №43. 12 ноября.

Русанов, 2016 – Русанов Н.В., Бухарицин П.И., Беззубиков Л.Г. Волго-Каспийский морской судоходный канал – современное состояние проблемы и пути их решения // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 4-5. С. 863-871.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

References

AVZ – Arhiv Muzeja Votkinskogo zavoda [Archive of the Museum of the Votkinsky Plant]. [in Russian]

Babich, 2015 – Babich D.B., Ivanov V.V., Korotaev V.N., Pronin A.A., Rimskij-Korsakov N.A. (2015). Gidrograficheskie, geofizicheskie i ruslovyje metody issledovanij pri izyskanijah dlja uluchshenija sudohodnyh uslovij v morskijh kanalah (na primere Volgo-Kaspijskogo morskogo sudohodnogo kanala) [Hydrographic, geophysical and channel methods of research in surveys to improve navigational conditions in marine canals (on the example of the Volga-Caspian Maritime Canal)]. *Inzhenernyje izyskanija*. № 2, pp. 38-51. [in Russian]

CGA UR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic]. [in Russian]

Kodanina, 2003 – Kodanina A. (2003). Volgo-Kaspijskij kanal: doroga k morju. V nyneshnem godu ispolnjaetsja 130 let Volgo-Kaspijskomu sudohodnomu kanalu [This year marks the 130th anniversary of the Volga-Caspian Shipping Canal]. *Bol'shaja Volga*. №43. 12 nojabrja. [in Russian]

Rusanov, 2016 – Rusanov N.V., Buharicin P.I., Bezzubikov L.G. (2016). Volgo-Kaspijskij morskij sudohodnyj kanal – sovremennoe sostojanie problemy i puti ih reshenija [Maritime Navigation Channel – Current State of the Problem and Ways to Solve them]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*. № 4-5, pp. 863-871. [in Russian]

Воткинский завод в обеспечении перевозок Волго-Каспийского канала во время Первой мировой войны

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, *}, Дмитрий Владимирович Матвеев ^c

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, США

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр УРО РАН, Российская Федерация

^c Восточно-Европейский институт, Российская Федерация

Аннотация. К началу Первой мировой войны Волго-Каспийский канал приобрел важное стратегическое значение, в первую очередь для транзита Бакинской нефти. Из-за специфических гидрологических условий большое значение для его функционирования имели ежегодные дноуглубительные работы. В статье показано, что значительную долю военных заказов судостроительного производства Воткинского завода составляли землечерпательницы и грунтоотвозные шаланды для Волго-Каспийского канала. За военные годы завод сдал три землечерпательницы и 18 шаланд. Таким образом, Воткинский завод сыграл заметную роль в обеспечении военных и хозяйственных перевозок по Волжско-Каспийскому каналу в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Воткинский завод, история, судостроение, судоремонт, пароход, речной транспорт.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков), matveevdv1972@mail.ru (Д.В. Матвеев)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
E-ISSN: 2409-1707
2018, 6(1): 25-41

DOI: 10.13187/vs.2018.1.25

www.ejournal6.com

Representations of the Cossack and Cossacks Class in the Books of N.I. Krasnov of 1860: «Citizens» vs «Warrior»

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}^a Southern Federal University, Russian Federation^b East European Historical Society, Russian Federation

Abstract

This work is devoted to the representations of the Cossack and Cossacks class in official studies written by the officer (later the general) of the Main directorate of irregular troops N.I. Krasnov in the years 1863-1870. These are «Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast» and two versions of «Military review of the Don Host Oblast». The author shows that N.I. Krasnov regarded the Cossacks as an extremely ineffective social institution in their early texts. In his view, the social roles of the "Cossack-citizen" and "Cossack-warrior" were incompatible. Meanwhile, the institution of the Cossacks assumed the combination of these roles from the 18th century. This put the Cossacks in a "false" or "transitional" position. For this reason, N.I. Krasnov advocated radical reforms of the Cossacks. By the end of the decade, he somewhat softened his position, but continued to consider the roles of "Cossack-citizen" and "Cossack-warrior" incompatible.

Keywords: Representations of the Cossack, representations of the Cossacks class, government policy towards the Cossack Hosts, D.A. Milyutin, N.I. Krasnov, «Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast», «Military review of the Don Host Oblast».

1. Введение

История российского казачества представляет собой причудливое сочетание досконально изученных сюжетов, историографических мифов и белых пятен, по каким-то причинам так и не привлечших должного внимания историков (Перетятко, 2014: 5). Недостаточно изученной остается, в частности, тема образов казачества как сословия и казаков как особой группы населения, характерных для российского общества в различные периоды времени. Существующие работы о образах казака и казачества обычно трактуют проблему этнографически, а не исторически, не рассматривая попытки искусственной трансформации этих образов в прошлом, и, тем более, не выявляя ее причин (Рыблова, 2009). Исключение представляет небольшая статья А.А. Волвенко, в которой конкурирующие образы казачества, характерные для начала 1860 гг., анализируются в связи с деятельностью конкретных общественных движений (Волвенко, 2006).

Между тем, представления о казаках и о казачестве, озвучиваемые в официальных исследованиях казачьих войск, были тесно связаны с правительственной политикой. А.А. Волвенко пишет, что имперская власть рассматривала «общественное мнение и

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

печатное слово» «в качестве важного инструмента обоснования своей легитимности». И поэтому различными властными инстанциями публиковались книги о прошлом и настоящем казачьих войск, транслирующие широкой публике те образы казака и казачества, которые оправдывали правительственную политику (Волвенко, 2006: 79-80). Впрочем, нам это мнение представляется небесспорным: в печатном органе Военного Министерства, «Русском инвалиде», в 1879 г была опубликована статья, в которой сообщалось, что «ряд преобразований по казачьим войскам, касающийся не только их военной, но и экономической жизни, давно уже требовал собрания, по возможности, точных, подробных и научно обработанных статистических данных, касающихся каждого из десяти ныне существующих казачьих войск» (Статистическое описание, 1879: 3). Как нетрудно заметить, анонимный автор «Русского инвалида» инвертировал логику А.А. Волвенко: он утверждал, что не образы казака и казачества, отраженные в официальных исследованиях, формировались в соответствии с требованиями государственной политики, но сама эта политика завесила от того, к каким выводам приходили исследователи казачьих войск, находящиеся на государственной службе.

А.А. Волвенко обращал внимание так же на то, что образ казачества в «большой части» российского общества начал по-настоящему формироваться только начиная с эпохи Великих реформ, а до этого «основными понятиями о казачестве» обладали только «узкие круги военных, правительственных чиновников и редких писателей на казачьи темы» (Волвенко, 2006: 79-80). Данный тезис, безусловно, нуждается в определенной корректировке и уточнении: к образу казачества и до 1860 гг. неоднократно обращались российские писатели, включая классиков. Достаточно вспомнить «Историю Пугачева» А.С. Пушкина (Пушкин, 1962), казачьи повести Н.В. Гоголя (Гоголь, 1968а; Гоголь 1968b) или тексты на казачью тематику М.С. Лермонтова (о них подробно см. (Потапова, 2013)). Однако все эти произведения, за исключением пушкинской «Истории Пугачева», относились к художественному жанру, и уже поэтому создаваемые в них образы не могли восприниматься читателями как свободные от авторского вымысла. Число же научных и публицистических работ о, например, Донском казачьем войске было крайне незначительным, а их уровень вызывал уже у современников множество нареканий (Краснов, 1863: 1-8). И поэтому для среднестатистического представителя российской интеллектуальной элиты, не интересующегося специально историей казачества и не воспринимающего художественные тексты как источник знаний о нем, Земля Войска Донского, как и территория любого другого казачьего войска до середины XIX в. действительно оставалась своеобразной «terra incognita» (Сенюткин, 1866: 95). Это выражение дословно взято нами из заметки донского автора М.Х. Сенюткина, далее жаловавшегося, что «не говоря уже о черни на Руси, которая привыкла смешивать казаков с татарами, самые образованные люди имеют часто смешные понятия о казаках. Многие совершенно уверены, что казаки говорят своим особенным наречием, отличным от русского, что они имеют свою веру – не православную, что они живут, что они живут, как черкесы или татары, в аулах, не имея понятия об образовании» (Сенюткин, 1866: 95). В подтверждение этой своей мысли М.Х. Сенюткин приводил несколько «анекдотов», из которых наиболее показателен последний, про Санкт-петербургского педагога, уверенного, что ученики с Дона не знакомы с русским языком (Сенюткин, 1866: 95).

Таким образом, хотя А.А. Волвенко допускает определенную фактическую ошибку, он прав в основной идее своего утверждения: хотя образы казака и казачества в российском обществе начали формироваться задолго до 1860 гг., первоначально эти образы были литературными и условными, и характеризовали не реальных жителей казачьих областей, но героев художественных произведений, в некоторых случаях (у Н.В. Гоголя) полуфантастических. В исследованиях последних лет неоднократно (Volvenko, 2015a: 20; Peretyatko, 2017b: 1408) приводился еще один случай, сохраненный для потомков высокопоставленным военным чиновником, генералом А.П. Чеботаревым: в 1851 г. на званом обеде в Санкт-Петербурге, на котором присутствовали представители литературных кругов (то есть интеллектуальной элиты Российской империи) такой образованный человек, как Н.И. Греч, обратился к гостю-казаку с вопросами, исчезают ли на Дону кочевья, делает ли успехи христианская проповедь, и вообще, проникают ли в казачью среду хоть какие-то «начала европейской жизни» (Дон, 1879: 179)? Соответственно, тогда Военное Министерство

находилось в наилучшем положении для того, чтобы навязать общественному мнению именно те образы, которые были выгодны ему.

И одним из первых вольных или невольных исполнителей «правительственного заказа» по формированию образа казачества стал донской офицер и статистик Н.И. Краснов. Менее чем за одно десятилетие, в 1863-1870 гг., он выпустил в различных официальных сериях, издаваемых Военным Министерством и Генеральным Штабом, целых три историко-статистических описания Земли Войска Донского, каждое из которых характеризовало донских казаков полнее и многограннее, чем все опубликованные до этого книги. Параллельно с этим, Н.И. Краснов сотрудничал и с периодическими изданиями, публикуя в них статьи на казачью тематику (Перетятко, 2015: 227-233). Подобная активность не просто одобрялась начальством, но и способствовала стремительной военно-статистической карьере будущего генерала: если в начале 1863 г. он был штабс-капитаном, не занимающим постоянной должности в аппарате Военного Министерства, то 1870 г. донской писатель встречал уже полковником и начальником незадолго до этого созданного межевого и статистического отделения Главного управления иррегулярных войск (Список, 1891: 445; Королев, 1991: 235). В своей статье мы решили обратиться к его работам, чтобы понять, содержащиеся в них образы казака и казачества соответствовали правительственной политике. Особое значение мы планируем уделить предложенному Н.И. Красновым противопоставлению социальных ролей «казака-воина» и «казака-гражданина», имевшему определенное значение в долгосрочной эволюции представлений российских авторов о казачестве.

2. Материалы и методы

Основным источником для нашего исследования послужат три книги Н.И. Краснова, «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского» (Краснов, 1863), «Военное обозрение Земли Войска Донского» 1864 г. (Краснов, 1864) и «Военное обозрение Земли Войска Донского» 1870 г. (Краснов, 1870), которые мы будем сопоставлять как с государственной политикой по отношению к казачьим войскам, так и с хронологически близкими им текстами, как опубликованными, так и неопубликованными (материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Государственного архива Ростовской области (ГАРО)).

Помимо историко-сравнительного метода, который мы будем применять при сопоставлении этих текстов, нами будет широко востребован историко-биографический метод, для понимания того, почему Н.И. Краснов вступили в контакт с властными структурами и стал исполнителем «правительственного заказа». А эпизодическое применение историко-описательного метода поможет нам познакомить читателей с некоторыми сюжетами, важными для написания разбираемых нами работ.

3. Обсуждение

В начале 1860 гг. имперские власти и лично военный министр Д.А. Милютин планировали масштабные реформы казачества, направленные на его приближение к остальному населению Российской империи (Peretyatko, 2017b: 1406-1411). На Дону такие планы вызвали открытое возмущение большинства казаков, однако семейство Красновых было в числе немногочисленных сторонников избранного властями курса. Отец Н.И. Краснова, И.И. Краснов, в его поддержке доходил до того, что написанные им статьи недоброжелатели называли «руководствами» к действию для чиновников Военного Министерства (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1). Интерес И.И. Краснова и его родственников к правительственным предложениям опирался на вполне меркантильные причины: Д.А. Милютин был сторонником введения на Дону частной собственности на землю, то есть, фактически, передачи местным помещикам тех участков, пользователями которых они являлись раньше (Волвенко, 2014а: 12-18). Многие из Красновых рассчитывали получить такие участки, и еще современникам, как отмечает современный историк О.М. Морозова, «не нравилось, что в позиции Краснова (И.И. – А.П.) было слишком много личного финансового интереса» (Морозова, 2011: 21). К этому добавлялись и идеологические факторы: члены семьи Красновых, как и другие сторонники правительственных реформ из казачьей среды, с детства воспитывались за пределами Дона, и, очевидно, не были

затронуты популярными среди других казаков идеями о приоритете интересов Донского войска над интересами Российской империи и неприкосновенности исторически сложившихся привилегий казачества даже в тех случаях, когда они были невыгодны для государства и всех остальных сословий (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a: 375).

Пропагандируя непопулярные на Дону идеи о необходимости радикальных реформ, Н.И. Краснов быстро превратился в нежелательную фигуру для представителей местной интеллектуальной элиты. Отношение этой элиты к правительственному заказу на написание историко-статистических очерков донского казачества видно из следующей цитаты из «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба»: «Что всего удивительнее, статистический комитет, зная о назначении офицеров генерального штаба, производящих военно-статистические работы, непременно, а потом действительными членами статистических комитетов тех губерний, которые ими описываются, ни разу не пригласил нас в свои заседания, и, таким образом, мы лишились возможности время от времени делиться своими исследованиями и проверять их просвещенным содействием членов комитета» (Краснов, 1863: 6-7). Тут следует оговорить, что, по мнению А.А. Волвенко, именно через Донской областной статистический комитет вербовал сторонников А.М. Дондуков-Корсаков, один из важнейших противников радикальных реформ казачества (Volvenko, 2015a: 24). И в дальнейшем, несмотря на внешнее примирение, отношения Н.И. Краснова с местным статистическим комитетом, который, в отсутствие на Дону университетов и научных обществ, был важнейшим интеллектуальным центром Новочеркасска, оставались сложными. Так, члены комитета подвергли уничтожающей критике доклад Н.И. Краснова, прочитанный на заседании 28 июня 1868 г., несмотря на то, что автор интересующих нас книг в это время уже занимал должность начальника отделения в Главном управлении иррегулярных войск (ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1. Л. 30206-30406). Таким образом, Военное Министерство, формируя нужные ему образы казака и казачества в российском обществе, при кажущейся простоте задачи, должно было преодолевать сопротивление большинства казачьих авторов, доказывавших, что казачество вполне благополучно безо всяких реформ, а проправительственные публикации о нем сильно неточны, если не откровенно лживы (Сенюткин, 1866: 93-112).

И в этом отношении значение публикаций Н.И. Краснова трудно переоценить. Создаваемый им образ казака был ориентирован не на внутреннего по отношению к казачеству донского читателя, который не верил правительственному чиновнику априори, но именно на читателя внешнего, российского. И, отстаивая перед этим читателем те идеи о казачестве, которые устраивали Военное Министерство, донской офицер добился ряда локальных, но крайне значимых успехов. Мы позволим себе остановиться подробнее на важнейшем из этих успехов, частично описанном нами в другой статье (Перетяtko, 2015: 227-233). Противники радикальных реформ казачества, донские консерваторы, называемые так же казакоманами, в своей деятельности пытались опереться на деятельность консерваторов российских. Один из них, А.А. Леонов, оппонировав И.И. Краснову, даже поставил эпиграфом к одной из своих статей слова М.Н. Каткова: «Истинно прогрессивное направление должно быть в сущности консервативным, если только оно понимает свое назначение и действительно стремится к своей цели. Чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней. Все, что будет клониться к искоренению какого-нибудь существенного элемента жизни, должно быть противно прогрессивному направлению... Истинным предметом хранения должны быть не формы, а начала, которые в них живут и дают им смысл» (Volvenko, 2015b: 197). Однако представители семейства Красновых доказывали, что основой казакоманства является не столько консерватизм, сколько другие факторы, неприемлемые для российских консерваторов. В 1864 г. Н.И. Краснов опубликовал заметку, в которой характеризовал не только консервативную часть донской интеллигенции, но и сочувствующих ей представителей войсковой администрации как носителей «местного патриотизма» (Перетяtko, 2015: 227-233). Именно эта заметка вызвала дискуссию между крупнейшими столичными журналистами, окончательно сделав невозможным союз донских и российских консерваторов. Как раз М.Н. Катков, столь ценимый донскими казакоманами, обвинил последних в сепаратизме, ставя, фактически, в один ряд с польскими мятежниками, и

ссылаясь на текст Н.И. Краснова (Катков, 1864). Правда, редактору «Московских ведомостей» немедленно возразил М.Е. Салтыков-Щедрин, но едва ли донские консерваторы нуждались в подобном союзнике. Да и причиной выступления М.Е. Салтыкова-Щедрина была далеко не симпатия к политическим взглядам казакоманов: знаменитый сатирик вполне соглашался с той частью статей Н.И. Краснова и М.Н. Каткова, где говорилось о «устарелости и бесполезности некоторых исключительных привилегий, которыми пользуется Земля Войска Донского», но при этом подчеркивал, что борцов за подобные привилегии нельзя считать сепаратистами (Салтыков-Щедрин, 1864). Как мы видим, в результате «идеологической диверсии» Н.И. Краснова донские казакоманы оказались скомпрометированы в глазах как российских консерваторов, так и российских либералов: первые видели в них опасных сепаратистов, а вторые – защитников устарелого порядка вещей. И во второй половине 1860 гг. лидеры казакоманского движения в своих статьях будут жаловаться на непонимание русского общества, подчеркивая, что «донской сепаратизм существовал только в воображении «Московских ведомостей», и одновременно задавая вопрос, «откуда и на основании каких фактов могли возникнуть суждения о донском сепаратизме, о нежелании казаков распространения у них грамотности и о не сочувствии их либеральным реформам нашего правительства?» (Volvenko, 2015b: 203).

Мы можем дать ответ на этот вопрос. Важнейшим источником, формировавшим образ современного казака и казачества в российском обществе 1860 гг., были книги Н.И. Краснова, официально поддерживаемые и распространяемые правительством. Нужно сразу оговорить, что эти книги стали важной вехой в развитии донской науки, и их никак нельзя считать лживыми или чисто публицистическими. Однако, как мы покажем ниже, в них содержались утверждения и о косности казаков, и о нежелании ими либеральных реформ, и, самое главное, о возможности полноценного восстания на Дону.

В наибольшей степени это относится к первым двум книгам Н.И. Краснова, «Материалам для географии и статистики России, собранным офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского» и «Военному обозрению Земли Войска Донского», увидевшим свет в 1863 и 1864 гг. Они позиционировались как две части единого труда, а в анонимном предисловии ко второй из них сообщалось следующее: «Главное Управление Генерального Штаба, издав в свет в 1863 году, для общего сведения, «Статистическое описание Земли Войска Донского», составленное Генерального Штаба штабс-капитаном Красновым, ныне издает, собственно для сведения и употребления Военного Министерства, военных управлений и штабов войск, «Военное обозрение Земли Войска Донского», составленное так же капитаном Красновым, на основании и согласно со «Статистическим описанием» оной (курсив везде наш. Так же обращаем внимание на то, что первая книга Н.И. Краснова названа не вполне точно. – А.П.)» (Краснов, 1864). Таким образом, хотя обе работы донского офицера носили статус официальных изданий Генерального Штаба, первая из них специально предназначалась для знакомства широкой публики с современным состоянием донского края, а вторая распространялась по служебным каналам Военного Министерства. Судя по всему, именно эти книги познакомили российское общество с реальным, а не литературным казачеством. Во всяком случае, младшими современниками Н.И. Краснова им была дана такая характеристика: «Особый строй этой (Донской – А.П.) области, ее исключительная история, а, главное – крайняя скудость литературных о ней сведений заставили Николая Ивановича шире отнестись к своей задаче, и, вместе со специальными сведениями, собрать весьма ценные общие материалы для географии и статистики Земли Войска Донского, которые и были изданы отдельной книгой в 1863 году. <...>. Книга эта тогда же обратила на себя внимание нашего Географического общества, которое еще раньше избрало ее автора в свои члены, и стала с тех пор краеугольным камнем для всех последующих описаний Земли Войска Донского (курсив наш – А.П.)» (Донцы, 2003: 249).

Невнимательному читателю тот образ казака, который создал донской офицер на страницах этих книг, мог показаться исключительно комплементарным. Он не скупился на похвалы при общем описании жителей Дона: «Земля донских казаков представляет одну из тех редких стран, где материальное богатство территории гармонически связано с умственными и физическими способностями населения» (Краснов, 1863: 221); «Храбрость и безграничное самоотвержение всегда сопровождают казачьи полки, лишь бы начальники

умели возбудить эти чувства» (Краснов, 1863: 224); «Целомудрие составляет одно из лучших украшений казаков» (Краснов, 1863: 225). Однако, при переходе к характеристике отдельных сторон донской жизни тон Н.И. Краснова диаметрально менялся, и на место панегирику положительным качествам казаков приходили сетования на то состояние, в котором они находились в начале 1860 г. из-за архаичности устройства казачьего сословия. Что еще важнее, не снимая вину за это с имперского правительства, Н.И. Краснов высказывал серьезные претензии и к самим казакам, не желающим выходить из подобного состояния.

Вот что, например, писал он о ситуации в донском образовании (как раз здесь встречается мысль о «нежелании казаков распространения у них грамотности»): «При недостаточности средств, образованные люди на Дону не имеют большого веса; *они не находят себе поощрения в обществе*, прав по выходе из университета до последнего времени не получали, а потому и самое образование на Дону в последние пятьдесят лет не только не продвинулось, но и пошло назад (курсив наш – А.П.)» (Краснов, 1863: 229). На этом примере хорошо виден основной метод, который использовался донским офицером для формирования нужных ему образов казака и казачества: не прибегая к откровенной лжи, он часто сгущал краски, и позиционировал свой ответ на дискуссионные вопросы как единственно правильный. Действительно, в начале 1860 г. на территории Земли Войска Донского функционировала только одна гимназия, открытая в Новочеркасске в далеком 1805 г. (Донскова, 2011). Как и полвека назад, не было университетов, и высшее образование казаки были вынуждены получать в других губерниях (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a: 367-377). Однако оппоненты Н.И. Краснова могли бы противопоставить его утверждениям целый ряд фактов, свидетельствующих о развитии донского образования в десятилетия, предшествовавшие 1860 г.: так, если в 1830 г. во всех учебных заведениях Земли Войска Донского учился 1 051 человек, то к 1860 г. число учеников выросло до 2 183 (Номикосов, 1884: 575). В 1830-1840 гг. донское дворянство принимало участие в создании Воронежского кадетского корпуса, куда взамен было разрешено зачислять детей из донских дворянских семей (Краснов, 1863: 404-406). Да и «равнодушие» донского общества к образованным людям было, как минимум, вызывает сомнение: уже упоминавшийся нами идейный противник Н.И. Краснова, А.М. Дондуков-Корсаков, напротив, отмечал, что жители Дона всячески желали «распространения средств к образованию молодого казачьего поколения». При этом, если Н.И. Краснов, по сути, подвешивал свой тезис в воздухе, не обосновывая никакими доказательствами, то его оппонент ссылался на факты, напоминая, что «станции, по недостатку мест образования, приговорами своими определяют пожертвования граждан своих с просьбою только открыть у них училища» (Карасев, 1896: 580-581). В ходе работы в архивах нам удалось найти и другие документы, опровергающие утверждения Н.И. Краснова: так, мы выяснили, что при подготовке нового «Положения о управлении Донским войском» станичные депутаты уделяли много внимания перспективам развития образования на Дону, и требовали расширения прав образованных казаков (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017b: 820-825).

В силу ограниченного объема нашей работы мы не можем подробно останавливаться на каждом спорном утверждении Н.И. Краснова. Приведем только несколько примеров, показывающих, что исследователь часто прибегал к описанным в предыдущем абзаце методам. Характеризуя начинающееся расслоение казачества, Н.И. Краснов отмечал, что «богатые казаки имеют больше средств избавиться от воинской повинности, которая тем тяжелее падает на бедных, и, мало по малу, в стране, известной под именем «Дон золотое дно», распространяется пролетариат» (Краснов, 1863: 234). Между тем официальные документы 1860-1870 гг. рисуют совершенно иную картину, картину относительной зажиточности всех казаков: «Благосостояние их (станец – А.П.) находится на степени более чем удовлетворительной; казак живет зажиточно, собственные их постройки, так же как и общественные, в хорошем состоянии; храмы Божии благолепны, вообще нужды в станице не замечается, и нищенство не существует» (Столетие, 1911: 77). Депутаты от станиц в 1863 г. так же отмечали, что, хотя земельные довольствия казаков уже не всегда достигают положенной по закону нормы в 30 десятин, о падении благосостояния казачьих хозяйств говорить пока преждевременно (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 120б-13). В другом месте Н.И. Краснов доказывал, что «население донского края может увеличиться в 5 раз безо всякого отягощения», ссылаясь исключительно на собственное мнение о достаточности двухдесятинного надела на

душу населения, из чего следовал вывод о недостаточной населенности Дона (Краснов, 1863: 232). И в результате тот позитивный образ казака, который формировали общие описания донского писателя, затем оказывался оттенен множеством конкретных проблем и недостатков в сословном устройстве казачества, преувеличенных Н.И. Красновым.

Фактически, и в «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» и в «Военном обозрении Земли Войска Донского» 1864 г. издания донское казачество как сословие предстает недееспособным социальным институтом, чьи устаревшие формы только мешали казакам. Н.И. Краснов подчеркивал, что «при настоящих условиях жизни донских казаков, промышленность у них развивается очень медленно, образование в упадке, а, вместе с тем, донские жители не пользуются теми дарами, которыми природа наделила их с такой щедростью» (Краснов, 1863: 234). Не лучше обстояли дела и в торговле. Донской писатель обвинял организацию торговых казаков в том, что ее члены, «не обеспеченные в своих правах и занятиях, стесненные в своих действиях» вынужденно «распространяют дороговизну в Новочеркасске, где жизнь стала так же дорога, как в столицах и в соседних торговых городах Ростове и Таганроге» (Краснов, 1863: 232). Даже со своими военными функциями донское казачество, по мнению Н.И. Краснова, больше не справлялось. «Не раз было высказано мнение, что после славных войн в начале настоящего столетия, а, главное, по мере обеспечения границ донских от нападения неприязненных соседей, казаки как-то освоились и утратили свой воинственный дух. В мнении этом есть доля правды, и оно очевидно доказывается при наряде наших казаков на службу: почти две трети идет малолетков. Взгляните, как они подготовлены к военной службе, и вы не поверите, что это внуки дедов, стяжавших такую громкую славу: и тени нет того удалства, которое слилось с именем казака. Оружие плохое, наполовину почти негодное, обмундировка плохая, и лошадки-то у многих годятся лишь только в борону, да часто и выпрягаются из бороны под царского слугу, которому через несколько месяцев придется идти в атаку на таком «меринке» (Краснов, 1864: 228). Наконец, как считал Н.И. Краснов, и в финансовом отношении донское казачество было крайне невыгодно для государства: регулярные войска якобы обошлись бы куда дешевле (Краснов, 1864: 237)!

Прежде чем перейти к причинам, по которым Н.И. Краснов связывал все эти проблемы с сословным институтом казачества, есть смысл показать на конкретных примерах, как донской автор, не снимая ответственности с имперской власти, много десятилетий избегавшей реформ этого института, критиковал и самих казаков, привыкших к существующему устройству и не желающих меняться. Мы неоднократно приводили в других своих статьях отрывки из его работ, в которых говорилось, что использовать новые методы сельского хозяйства станичники не хотели, даже если имели подобную возможность (Peretyatko, 2017a: 941-942). Между тем та ситуация в хозяйственной жизни Дона, которая, по мнению казачьего офицера, сложилась к началу 1860 гг., была самой безрадостной, и нуждалась в серьезных усовершенствованиях, в том числе и идущих снизу. «На едва вспаханной земле казак сеет хлеб довольно редко (около 6 мер пшеницы и 7 мер ржи на экономическую десятину), рассчитывая на урожай только в дождливые годы. При хорошей же запашке и густом сеянии, казаки могли бы получать достаточные урожаи; но они едва превышают сам-третьей и много сам-четверть, а в сухие годы казаки даже теряют посеянное зерно» (Краснов, 1864: 112). Еще ярче позиция Н.И. Краснова проявлялась при описании падения боеспособности казачьих частей. Офицер открыто заявлял, что «было бы несправедливо обвинять в том (падении – А.П.) войсковое начальство» (Краснов, 1864: 228). По его мнению, сами казаки «по неимению средств приобретали все, что подешевле», а затем подобная экономия, разумеется, мешала им должным образом проявить себя в строю (Краснов, 1864: 228). Таким образом, как бы положительно не отзывался Н.И. Краснов о донских казаках, из его книг начала 1860 гг. следовало, что от них самих инициативы в деле реформ ждать бессмысленно, и преобразования казачества должны идти сверху.

Соответственно, казачьи консерваторы, казакоманы, выступали в ранних книгах Н.И. Краснова в качестве представителей воли донского большинства. Первоначально он подвергал своих оппонентов безжалостной критике, не проявляя не малейшей терпимости к их идеям. В «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» донской писатель предлагал просто игнорировать их мнение, утверждая, что в его защиту нельзя привести никаких рациональных доводов, за

исключением «желания всех коммунистов – *равномерного распределения угодий между членами известной ассоциации* (курсив авторский – А.П.)» (Краснов, 1863: 232). Это обвинение в «коммунизме», в условиях начала 1860 гг., вообще было откровенным политическим доносом. Но уже в «Военном обозрении Земли Войска Донского» 1864 г. Н.И. Краснов серьезно изменил свою позицию. Теперь, ссылаясь на историю булавинского бунта, он доказывал, что «ни один народ не расстанется равнодушно с своими правами, обычаями и особенностями, а тем более с правами и привилегиями, в случае же насильного их уничтожения оказывает сопротивление, берется за оружие, не дорожит жизнью и имуществом своим и уступает только огромному превосходству силы своего противника» (Краснов, 1864: 210–211). А донские казаки, хотя и «выказывали неограниченную преданность и любовь, подходящие до самопожертвования, как в отношении русских государей, так и в отношении России» (Краснов, 1864: 210), в то же время считали «святыми и неприкосновенными» свои «права и преимущества (Краснов, 1864: 211). И в этих «правах и преимуществах», при всей их невыгоде и для Российской империи, и для не понимающих этой невыгоды жителей Дона, можно было все же усмотреть нечто хорошее, поскольку они «доставили, по крайней мере, донскому казачеству, благоденствие большее того, которое имеют крестьяне» (Краснов, 1864: 210). И поэтому выходило вполне логичным, что «казацкая партия с подозрительностью смотрит на все преобразования и полагает, что с уменьшением воинской повинности уничтожатся поземельные и другие права казаков, а потому предпочитает status quo каким бы то ни было преобразованиям» (Краснов, 1864: 212). Соответственно, правительству, начиная реформы сверху, следовало сохранить в неприкосновенности привилегии казаков, чтобы избежать бунта на Дону.

Что же придавало Н.И. Краснову уверенность в успехе предстоящих реформ? Дело в том, что его главные претензии к казачеству как к сословию были не ситуационными, а сущностными, базировались не столько на конкретных наблюдениях, сколько на теоретических взглядах. При всей оригинальности изложенных выше идей Н.И. Краснова, его главным вкладом в историю образов казака и казачества было четко сформулированное противопоставление «казака-воина» «казаку-гражданину». По мнению донского офицера, эти социальные роли были взаимоисключающими, а современный ему институт казачества требовал от казаков исполнять их одновременно. В «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» он писал на эту тему: «Донские казаки со времени Булавинского восстания находятся в переходном состоянии: ни правление Войсковой канцелярии, под руководством князя Потемкина, ни войсковое положение, изданное в 1835 году не выяснило настоящих требований от казака-гражданина, от воина-поселянина» (Краснов, 1863: 235). В «Военном обозрении Земли Войска Донского» Н.И. Краснов высказывался еще определеннее: «*Одно из двух: казачеству должно дать направление или чисто-гражданское, или чисто-военное, то есть без постоянной льготы* (курсив наш – А.П.)» (Краснов, 1864: 229). Соответственно, основной проблемой казачьего сословия начала 1860 гг., в интерпретации Н.И. Краснова, было то, что казак, вынужденный совмещать несовместимые социальные роли, неизбежно терпел поражение, и обычно одинаково плохо, как видно из приведенных выше примеров, и запахивал землю, и нес военную службу. Н.И. Краснов надеялся, что, если грядущие реформы и не придадут донскому казачеству одно, «чисто-гражданское» или «чисто-военное» направление, то, по крайней мере, в их результате каждый казак сможет сам выбирать, быть ему «воином» или «гражданином», нести военную службу, не отвлекаясь на домашнее хозяйство, или «прилагать труд» к своей земле, не отлучаясь на долгие годы в армию. Исходя из этого, принципиальным для проведения реформ Н.И. Краснов считал решение всего двух вопросов: «о приеме иногородних, как граждан Войска Донского» и «об изменении воинской повинности казаков» (Краснов, 1863: 231). По мнению будущего генерала, для того, чтобы донские казаки могли выбирать между ролями «воинов» и «граждан», следовало либо «заменить настоящую воинскую повинность казаков другою системою», либо «уменьшить казакам срок службы, оставив им при этом поземельное довольствие в 30 десятин» (Очевидно, Н.И. Краснов предполагал, что после краткого срока службы «казаки-граждане» вернуться в станицы, а «казаки-воины» продолжат службу уже на иных основаниях). После этого выбравшим гражданское поприще донцам помогли бы привести край к процветанию иногородние, которые «могли бы своими капиталами разработать те

дары природы, которые в земле донских казаков столько времени не имеют движения» (Краснов, 1863: 231). И, таким образом, все основные проблемы Дона оказались бы решены.

А правительственный проект реформ начала 1860 г. действительно соответствовал основным идеям Н.И. Краснова. В «Военном обозрении Земли Войска Донского» 1864 г. статистик даже уделил этому проекту особое внимание, неоднократно подчеркнув, что его реализация решит основные проблемы казачества. И не удивительно: авторы этого проекта считали наиболее важным для будущего казачества решение тех же двух вопросов, что и Н.И. Краснов, правда, добавив к ним еще два. Они считали необходимым избавиться не только от «обязанности нести определенное число лет полевую и внутреннюю казачью службу», «препятствующей развитию в казачьих населенных общественных сословий» и от «запрещения иногородним заводить на войсковой земле постоянную оседлость», которое мешало «водворению в войсках капиталистов и оживлению в крае торговли и промышленности», но и от «воспрещения выхода из казачьего сословия», «лишающего казаков права избирать себе место жительства по своему усмотрению» и от «общинного владения землею», «одного из главнейших препятствий к развитию земледелия и вообще сельского хозяйства» (Краснов, 1864: 198). «Вывести казачьи войска из ложного положения» «исключительно военного сословия» предполагалось, тоже в полном соответствии с идеями Н.И. Краснова, изменив систему военной службы. Правительственный проект предусматривал «ограничение численности военного сословия, определенного нормою, с тем, чтобы избыток казачьего населения был освобожден от обязательной службы даже в чрезвычайных случаях, и, оставаясь в числе граждан своего края, мог свободно обратиться к другим занятиям» (Краснов, 1864: 199). Н.И. Краснова настолько устраивал подобный вариант, что он фактически дословно воспроизвел текст правительственных «Соображений учрежденного при Управлении иррегулярных войск комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках», не беря его в кавычки, и, очевидно, полностью солидаризируясь с ним (Волвенко, 2016: 69).

Однако, Н.И. Краснов все же не был вполне удовлетворен правительственным проектом. Дело в том, что некоторые его пункты свидетельствовали о правоте казакоманов, опасавшихся, что за облегчением военной службы последует и ограничение привилегий казачества. Фактически, таких пункта было всего два, но они носили принципиальный характер, и поэтому мы приведем их целиком. Первый из них был сформулирован следующим образом: «Допустив вступление в казачье гражданство людей посторонних, правительство не могло бы освободить от рекрутской повинности и подушной подати тех из них, которые причисляются к казачьим населенным не для несения казачьей воинской службы, и будут подлежать отправлению означенных повинностей» (Краснов, 1864: 207). Таким образом, Военное Министерство рассчитывало, что оно продолжит получать обычный набор повинностей с тех людей, которые вступили в казачье сословие, но при этом попали в «избыток населения», освобожденный от службы. Между тем, как подчеркивал донской статистик, «подушная подать и рекрутская повинность известны казакам с одной дурной стороны», и поэтому их распространение даже на небольшую часть казачества было бы воспринято на Дону крайне негативно (Краснов, 1864: 207). Еще большее недовольство у будущего генерала вызвал второй из отмеченных нами пунктов: «Общественные (станичные – А.П.) земли должны быть в таком количестве, какое необходимо для наделов и в запас по действительному числу служащих и выслуживших положенный срок службы генералов, штаб- и обер-офицеров и казаков, хотя бы это число и значительно превышало штатный состав войск» (Краснов, 1864: 207). Иными словами, после освобождения части казаков от обязательной службы, правительство предполагало исходить при определении размеров станичных юртов не из общей численности проживающих в них казаков, но из численности казаков, согласившихся на несение военной службы. Однако реализация этого пункта немедленно привела бы к неожиданным последствиям. «Действительное число служащих казаков и выслуживших положенный срок не составляет и половины казачьих населений, значит – вместо прибавки земли по настоящему казачьему населению, «проект преобразований» имеет в виду уменьшить на половину настоящий земельный надел, что, разумеется, вызовет затаенный ропот неудовольствия у казаков» (Краснов, 1864: 207-208). Н.И. Краснов категорически возражал против такого развития событий, доказывая, что

правительственные реформы должны быть направлены во благо, а не во вред донскому казачеству, и, следовательно, не могут серьезно ухудшать его положение. Оппонируя уже не казакоманам, а Военному Министерству, он писал: «Если вопрос состоит только в том, чтобы уволить часть казачьего населения от военной повинности, то следует это сделать, не стесняя прав и привилегий казачьего населения, и главнейшего из прав – поземельной собственности» (Краснов, 1864: 204).

Как мы видим, близость идей Н.И. Краснова и Военного Министерства нельзя считать абсолютной, и, возможно, в другое время, имея более широкий выбор авторов, Генеральный Штаб не выпустил бы его книг в своей серии. Дело было даже не в отмеченных выше попытках поспорить с правительственным проектом реформ: Н.И. Краснов, внезапно встав здесь на сторону казакоманов, в итоге вообще потребовал его полноценной переработки. Мы снова позволим себе обширную выписку на эту тему, которая представляется нам крайне важной: «Из представленного нами обзора «преобразований», хотя и не видно, чтобы правительство желало нарушить права казаков, однакож нельзя не согласиться, что предоставление казакам свободного труда без сохранения права на землю, хотя и найдет себе приверженцев, но весьма мало; в нем естественно будут нуждаться торговый, промышленный и более образованный классы казачьего населения; низший же класс, по преимуществу занятый земледелием и скотоводством, едва ли увлечется предложением освобождения от воинской повинности без сохранения поземельной собственности, тем более, что, в замен уменьшения воинской повинности, на потомство казаков возлагаются *подушная* и *рекрутская повинности* (курсив автора – А.П.)» (Краснов, 1864: 212). Тем не менее, Н.И. Краснов продолжал считать необходимыми радикальные реформы казачества, только теперь, исходя из неудачного опыта, он призывал, чтобы были созданы «такие законоположения», которые, оставаясь в русле предложенной Д.А. Милютиним политики, еще и «сохраняли права и преимущества донских обществ». Н.И. Краснов надеялся, что, раз Военное Министерство не смогло выработать подобных законоположений, этим будет разрешено заняться местному кодификационному комитету, «которому предварительно дадут выборное начало», чтобы он смог выработать наилучшее для донских казаков новое законодательство (Краснов, 1864: 212).

Нам остается констатировать, что книги Н.И. Краснова начала 1860 гг. во многом заложили основу для того образа казака, который создавался позднейшим авторами, но при этом они рисовали совершенно уникальный для официальных изданий Российской империи образ казачества. Важнее всего то, что этот образ носил почти исключительно негативный характер: боевая ценность казачьих частей была поставлена Н.И. Красновым под сомнение, а стоимость содержания однозначно признана неадекватно высокой; в гражданской же жизни сословные институты казачества позиционировались донским автором как главный тормоз для нормального развития донского региона. Но в условиях начала 1860 гг. именно такой образ казачества играл на руку Военному Министерству, которое планировало начать масштабные реформы казачьих войск. Раз казачье сословие было не способно выполнять свои традиционные воинские обязанности, а его социальные институты безнадежно устарели, имперскому правительству надлежало немедленно приступить к самым решительным преобразованиям, предоставив, наконец, казакам возможность «прилагать труд» к своей земле и дав им шанс обратиться в «граждан».

Однако высшие власти все-таки не решились на этот шаг, пойдя по более традиционному, компромиссному пути. В 1863 г. новой высочайшей грамотой были подтверждены существующие привилегии Войска Донского, а начатые затем реформы, хотя и противоречили многим казачьим традициям, все же не предусматривали немедленного массового обращения казаков из «воинов» в «граждан», хотя некоторые шаги в этом направлении и были сделаны (Волвенко, 2014а: 12-20; Волвенко, 2014б: 382-391). Соответственно, образ казачества, нарисованный Н.И. Красновым в начале 1860 гг., уже никак не мог удовлетворять Военное Министерство к концу этого десятилетия. Какой смысл был в проводимых им локальных, ограниченных реформах, если устарела сама система сословной организации казачьего сословия? Не логичнее было бы уничтожить ее, а не пытаться модернизировать? Подобные настроения сохранялись в российском обществе, как минимум, до 1870 гг. Так, например, министр внутренних дел Российской империи А.Е. Тимашев писал в 1874 или 1875 гг., выступая против военной реформы донского казачества: «Казаки пользуются громадными

привилегиями, сравнительно с остальным населением Империи. Если привилегии эти имели некоторое основание в прежнее время, когда одно казачье население было обязано всеобщей воинской повинностью, то в настоящее время, когда таковая же повинность распространена на все население Империи, вышеозначенные привилегии не должны бы иметь места» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 1). Однако теперь чиновники Военного Министерства уже не считали положение казачества «ложным». Напротив, они отвечали А.Е. Тимашеву следующим образом: «Соображения, изложенные в первом пункте, высказывались уже не раз, вследствие недостаточной общеизвестности размера всех лежащих на казаках повинностей, и обусловленного этим одностороннего взгляда на экономическое положение казачьих войск» (курсив наш – А.П.) (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 1). Итак, теперь следовало доказать прямо противоположное тому, что доказывалось ранее, внушить обществу иной образ казачества, образ социальной структуры, которая продолжает успешно функционировать в социальных и военных условиях второй половины XIX в. И можно усмотреть определенную иронию в том, что исполнителем этого правительственного заказа стал все тот же Н.И. Краснов.

В 1870 г. донской офицер выпустил новую книгу, получившую уже не новое заглавие «Военное обозрение Земли Войска Донского». Трудно сказать, специально ли Н.И. Краснов так назвал свой новый текст, но создать путаницу у будущих исследователей ему удалось: и современниками, и позднейшими историками донской статистик обычно позиционировался как автор двух важнейших книг, «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» и в «Военного обозрения Земли Войска Донского», причем о том, что второй из этих трудов существовал в двух вариантах, не упоминалось (Королев, 1991: 237). Важнейшей причиной этой путаницы стало то, что сам Н.И. Краснов в предисловии к новому тексту ни словом не отметил, что всего шесть лет назад выпустил другую книгу с таким же названием (Краснов, 1870: I-IV). Тем не менее, нельзя сказать, чтобы в новом произведении донского офицера ничего не напоминало о старых идеях: напротив, он дословно воспроизводил некоторые абзацы «Военного обозрения Земли Войска Донского» 1864 г., да и от многих прежде высказанных мнений донской статистик не торопился отказываться. Однако теперь он включал их в совершенно другой контекст.

Так, Н.И. Краснов не стал принципиально корректировать созданный им образ казака, и по-прежнему основывал его на жестком противопоставлении «казака-гражданина» и «казака-воина». Именно в 1870 г. ему удалось наиболее емко сформулировать эту свою мысль. «Казак, в настоящем его значении, есть воин-поселянин, обязанный за поземельный надел быть постоянно готовым к выступлению в поход. На нем постоянно лежат две обязанности: *гражданина*, заботящегося о средствах к своему и своего семейства существования, и *воина*, которого ремесло редко может принести пользу в хозяйстве. Противоположность этих двух занятий неминуемо должна отразиться на казаке, и, чем материальное положение его на родине выше, тем менее оно будет годно к военной службе (курсив автора – А.П.)» (Краснов, 1870: XIII). Однако теперь офицер не делал из этого противопоставления далеко идущих выводов, не объявлял традиционные казачьи сословные институты устаревшими из-за их смешанной, военно-гражданской природы, и, соответственно, не требовал радикально реформировать донское казачество. Приведём пример, который кажется нам наиболее характерным. Н.И. Краснов писал в своей новой книге: «К этим замечаниям прибавим еще одно весьма важное, по поводу упадка воинского духа; казаки 1812-1815 годов воспитывались в войнах конца XVII и начала XIX столетия, тогда как выступившие в поход в войну 1854-1856 г. могли участвовать в весьма непродолжительном венгерском походе и только старослуживые успели побывать в войне 1831 года» (Краснов, 1870: XV). Это почти дословное воспроизведение текста 1864 г. (слегка изменены пунктуация и вместо слова «старики» использовано «старослуживые») (Краснов, 1864: 229). Но донской офицер оборвал цитату на очень важном месте, там, где следовал переход к мысли, которую мы уже приводили выше, мысли о исторической обреченности казачества в его существующих на начало 1860 гг. смешанных формах: «Только одна война может воспитать хорошего воина, особенно для казачьей службы, требующей необыкновенной сметливости и личных способностей, естественно развивающихся от долгой практики. Одно из двух: казачеству должно дать направление или чисто-

гражданское, или чисто-военное, то есть без постоянной льготы; в последнем случае незачем иметь громадную массу регулярной кавалерии (курсив наш – А.П.)» (Краснов, 1864: 229). И в итоге обоснование принципиальной неэффективности существующей системы казачьей службы превратилось в оправдание не видевших серьезных войн казаков! Были убраны и наиболее вопиющие примеры неэффективности казачьего сословия, доказывающие необходимость его реформы безо всякого теоретического обоснования. Так, хотя Н.И. Краснов, описывая упадок боеспособности казачьих частей в последние десятилетия, активно использовал текст из «Военного обозрения Земли Войска Донского» 1864 г., наиболее острые выпады в адрес казачьих полков, некоторые из которых приводились нами выше, оказались сняты (Краснов, 1870: X-XV).

В результате Н.И. Краснову удалось создать вместо прежнего, чисто негативного образа казачества, образ неоднозначный и проблемный. Многие негативные в общероссийском контексте черты донского казачества были даже не смягчены, а полностью убраны Н.И. Красновым по сравнению с его книгами начала 1860 гг. (в частности, вовсе исчез раздел «Взгляд на отношение жителей к правительству», где рассматривалась возможность казачьего бунта (Краснов, 1864: 210-213)). Соответственно, теперь проблемы казачества позиционировались как сложные, но все же решаемые без полной перестройки казачьего сословия, а преобразования, уже начатые Военным Министерством, рассматривались в качестве точечных реформ, четко ориентированных на решение этих проблем. В частности, Н.И. Краснов утверждал, что несмотря на не снимаемое противоречие ролей «казака-воина» и «казака-гражданина», боеспособность казачьих частей возможно существенно поднять, и правительственные преобразования вполне справляются с этой задачей (Краснов, 1870: XVI). Если в 1864 г. донской статистик акцентировал внимание на том, что многие станичники, попав необученными в полевые полки «могут быть полезны только на третьем году, по истечении которого они распускаются» (Краснов, 1864: 229), то в 1870 г. он, напротив, подчеркивал достоинства молодых казаков, которые теперь, после введения донского обучения «не только с охотой собираются на учения, но и очень быстро усваивают требуемые от казаков воинские упражнения, и с большим искусством стреляют в цель, так, что в этом последнем отношении далеко опережают не только регулярную пехоту вообще, но и стрелковые ее части» (Краснов, 1870: XVI-XVII).

Правда, новый красновский образ казачества почти не был детализирован. В новой книге донской статистик сконцентрировал основное внимание на проблемах казаков, связанных с военной службой, и на военных реформах казачества. На первый взгляд, это может показаться логичным, учитывая название данной книги и ее направленность на офицерскую аудиторию. Однако в 1864 г. Н.И. Краснов включил в свою книгу с тем же названием обширные разделы о экономическом состоянии Земли Войска Донского и предполагаемых гражданских преобразованиях (Краснов, 1864: 44-162; 196-213). Кроме того, в новой работе Н.И. Краснов сильно сократил объем авторских обобщений и анализа, а так же избегал высказываться по дискуссионным вопросам. Это особенно заметно именно в тех местах, где он дословно цитировал свои прежние тексты, делая из них важные изъятия. Так, он использовал в новой книге некоторые предложения именно из того абзаца «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба», откуда мы приводили следующую цитату «При недостаточности средств, образованные люди на Дону не имеют большого веса; они не находят себе поощрения в обществе, прав по выходе из университета до последнего времени не получали, а потому и самое образование на Дону в последние пятьдесят лет не только не подвинулось, но и пошло назад» (Краснов, 1863: 229). Однако как раз это предложение, содержащее не подкрепленные статистическим материалом наблюдения и спорный вывод из них, оказалось выброшено донским статистиком (Краснов, 1870: 53)!

И в итоге экономические проблемы, столь важные для образов казака и казачества, созданных в ранних работах Н.И. Краснова, в новой книге преподносились читателям весьма дозированно. Полностью исчезли утверждения о взаимосвязи между этими проблемами и архаичным, не соответствующим современным реалиям, сословным устройством казачества. Не упоминалось о идейной борьбе сторонников реформ с казакоманами. На смену острой критике экономического положения, сложившегося на Дону, с предложением вариантов выхода из этого положения, пришла простая констатация

экономических проблем региона. Исчезло и намеренное преувеличение, откровенное сгущение красок. Это ярко демонстрирует еще один характерный пример «обрубленных цитат». В 1863 г. Н.И. Краснов писал: «Дурно запаханная земля, молотья лошадьми, плохая очистка хлеба суть причины, уменьшающие ценность казачьего хлеба, идущего в продажу. Нередко казаки получают за свою пшеницу вдвое меньше помещиков» (Краснов, 1863: 250). Этот же отрывок он почти дословно воспроизводил в 1870 г. (поменялись только знаки препинания) (Краснов, 1870: 143). Однако продолжения одной и той же фразы в разных книгах донского статистика и в этом случае различались диаметрально. В «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба», формируя негативный образ казачества, он делал из изложенного следующий вывод: «Только развитие образованности, знакомство с началами сельского хозяйства на школьных скамьях могут побудить казаков принять улучшенные методы агрономии; ни пример помещиков, ни огромные барыши, получаемые купцами-арендаторами, не могли до сих пор изменить у казаков их системы земледелия. В бытность нашу в станице Луганской, лежащей в 18 верстах от Луганского литейного завода, мы не нашли у казаков никаких усовершенствованных орудий для земледелия» (Краснов, 1863: 250). А в «Военном обозрении Земли Донского Войска» 1870 г. этот вывод поменялся на совершенно иной: «Они (казаки – А.П.) имеют его (хлеб – А.П.) в количестве, достаточном для собственного прокормления, с необходимыми запасами на случай неурожая и для посевов, но собственно в торговлю идет преимущественно хлеб помещиков, ныне землевладельцев» (Краснов, 1870: 143). Таким образом, Н.И. Краснов не умалчивал о реальных проблемах казачества, но они заметно теряли масштаб, и казачество предстало перед читателями в чем-то устарелым, но вполне еще эффективным институтом, который можно было улучшить локальными реформами, не перестраивая его целиком.

4. Заключение

Творчество Н.И. Краснова было этапным для знакомства российской общественности с образами казака и казачества. Созданные им книги были первыми серьезными опубликованными историко-статистическими описаниями Войска Донского и входили в число первых научных исследований казачьих войск. В то же время они были далеки от объективности, и служили не только научным задачам, но и обоснованию правительственной политики 1860 гг. по отношению к казачеству.

В это время лично военный министр Д.А. Милютин писал: «не должно забывать, что казачьи территории — не военные лагеря, но части государства, имеющие полное право пользоваться благами гражданского и экономического развития, наравне с другими частями Империи» (Милютин, 1999: 262-263). Военное Министерство планировало проведение системных реформ казачества, направленных именно на «развитие гражданственности». И Н.И. Краснов выступил с концепцией двух социальных ролей казака, ролей «казака-воина» и «казака-гражданина». В своих ранних работах он доказывал, что эти роли не совместимы в принципе, и основной проблемой сословного устройства казачества является именно то, что казаков пытаются заставить нести обе этих роли одновременно, быть одновременно и «воинами», и «гражданами». В результате, как считал донской статистик, казаки были и плохими воинами, и плохими гражданами, а само существование казачества как сословия в его сложившихся формах было невыгодно государству. Н.И. Краснов призывал в дальнейшей перспективе четко определить предназначение казачества сверху, сделав его либо чисто военным, либо чисто гражданским, а пока хотя бы дать казакам выбирать одну роль, полностью освобождая их от другой. Позже офицер несколько отошел от своих взглядов: он по-прежнему считал, что роли «воинов» и «граждан» плохо сочетаются, однако полагал возможным разрешить эту проблему с помощью ограниченных реформ сословного устройства казачества.

Таким образом, ранние работы Н.И. Краснова формировали едва ли не уникальный для официальных текстов Российской империи негативный образ казачества. В конкретных условиях 1860 гг. их существование было очень выгодно для правительства: Н.И. Краснов сумел выставить донских консерваторов, казакоманов, людьми, не заслуживающими поддержки в глазах российского общества. С другой стороны, он наглядно продемонстрировал важность проведения именно гражданских реформ казачества. Но с нашей точки зрения важнее то, что

Н.И. Краснов защищал право казаков быть «гражданами», а не «воинами», то есть избрать в жизни путь, вовсе не связанный с военной службой. Однако по мере отказа Военного Министерства от серьезных реформ подобный подход быстро утратил свою востребованность, и уже в 1870 гг. не встречался в официальных текстах.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00009.

Литература

Волвенко, 2006 – Волвенко А.А. Образ донского казачества в русской периодической печати начала 60-х гг. XIX века // *Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Гуманитарные науки в современном мире»*. 2006. № 2. С. 78-88.

Волвенко, 2014a – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. №3. 2014. С. 12-20.

Волвенко, 2014b – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) Часть 2 // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. №3 (2). 2014. С. 382-391.

Волвенко, 2016 – Волвенко А.А. Концепция войскового (неслужилого) гражданина: замыслы и практика (1860–1870-ые гг.) // *Primo Aspectu*. 2016. № 4 (28). С. 68-71.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Гоголь, 1968a – Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М., 1968. С. 59-274.

Гоголь 1968b – Гоголь Н.В. Миргород // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М., 1968. С. 275-502.

Дон, 1879 – Дон и донцы в прежнее и настоящее время (из дорожных записок кавказского офицера). 1877 г. // *Русская старина*. 1879. Т. 25. С. 173-188.

Донскова, 2011 – Донскова Н.В. Становление системы народного образования в Области Войска Донского и на Верхнем Дону в XVIII – начале XX вв. // *Relga. Научно-культурологический журнал*. 2011. № 19. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3056&level1=main&level2=articles>

Донцы, 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.

Карасев, 1896 – Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // *Русский архив*, 1896. Кн. 12. С. 569-591.

Катков, 1864 – Катков М.Н. Донской сепаратизм // *Московские ведомости*. 1864. № 89.

Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.

Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.

Краснов, 1864 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб, 1864. 352 с.

Краснов, 1870 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 288 с.

Милютин, 1999 – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М., 1999. 559 с.

Морозова, 2011 – Морозова О.М. Царь, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону, 2011. 276 с.

Номикосов, 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.

Перетяцько, 2014 – Перетяцько А.Ю. Военная организация и военное управление Области войска Донского во второй половине XIX века. Ростов-на-Дону, 2014. 236 с.

Перетяцько, 2015 – Перетяцько А.Ю. Донской сепаратизм 1860 гг.: мифы, реальность и влияние на правительственную политику // *Проблемы полиэтничного макрорегиона в*

условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья. Ростов-на-Дону, 2015. С. 227-233.

Потапова, 2013 – Потапова Н.К. Лермонтов и казачество // *Тарханский вестник*. 2013. № 26. С. 71-85.

Пушкин, 1962 – Пушкин А.С. История Пугачева. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. VII. М., 1962. С. 7-150.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Рыблова, 2009 – Рыблова М.А. Казак и казачка: типичные образы в традиционной культуре донских казаков // *Дикаревские чтения-XIV*. [Электронный ресурс]. URL: <http://ryblova.ru/stati/obychai-i-obryady/kazak-i-kazachka-tipichnye-obrazy-v-traditsionnoj-kulture-donskih-kazakov>

Салтыков-Щедрин, 1864 – *Салтыков-Щедрин М.Е.* Литературные мелочи // *Современник*. 1864. № 5.

Сенюткин, 1866 – *Сенюткин М.Х.* Донцы. Ч. 2. М., 1866. 282 с.

Статистическое описание, 1879 – Статистическое описание Сибирского казачьего войска // *Русский инвалид*. 1879. № 229. С. 3-4.

Список, 1891 – Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1891 г. СПб., 1891. 907 с.

Столетие, 1911 – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.4. СПб., 1911. 462 с.

Peretyatko, 2017a – *Peretyatko A.Y.* "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3, pp. 937-948.

Peretyatko, 2017b – *Peretyatko A.Y.* "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part II // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. Is. 4, pp. 1401-1415.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a – *Peretyatko A. Y., Zulfugarzade T.E.* Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(2), pp. 367-377.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017b – *Peretyatko A. Y., Zulfugarzade T.E.* Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(4), pp. 817-829.

Volvenko, 2015a – *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina*. 2015. Vol.13. Is. 1, pp. 19-37.

Volvenko, 2015b – *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // *Russkaya Starina*. 2015. Vol.(15). Is. 3, pp. 194-207.

References

Volvenko, 2006 – *Volvenko A.A.* Obraz donskogo kazachestva v russkoi periodicheskoi pechati nachala 60-kh gg. XIX veka [The image of the Don Cossacks in the Russian periodical press of the early 60's. XIX century]. *Izvestiya TSURE. Thematic issue «Humanitarian sciences in the modern world»*. № 2, pp. 78-88 [in Russian].

Volvenko, 2014a – *Volvenko A.A.* (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860-1870s)]. *Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences*. Vol. 16. Is.3. pp. 12-20. [in Russian].

Volvenko, 2014b – *Volvenko A.A.* (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody) Chast' 2 [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860-1870s) Part 2]. *Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences*. Vol. 16. Is. 3(2), pp. 382-391 [in Russian].

Volvenko, 2016 – *Volvenko A.A.* (2016). Konceptija vojskovogo (nesluzhilogo) grazhdanina: zamysly i praktika (1860–1870-ye gg.) [Concept of the army (nesluzhilogo) citizen: plan and practice (THE 1860–1870TH)]. *Primo Aspectu*. № 4 (28), pp. 68–71. [in Russian]

GARO – State archive of the Rostov region (GARO).

Gogol', 1968a – *Gogol' N.V.* (1968). Vechera na khutore bliz Dikan'ki [Evenings on a Farm Near Dikanka]. Collected works: in 4 volumes. Vol. I. M., pp. 59-274. [in Russian]

- Gogol' 1968b** – *Gogol' N.V.* (1968). Mirgorod [Myrhorod]. Collected works: in 4 volumes. Vol. I. M., pp. 275-502. [in Russian]
- Don, 1879** – Don i dontsy v prezhnee i nastoyashchee vremya (iz dorozhnykh zapisok kavkazskogo ofitsera). 1877 g. [Don and Don Cossacks in the past and present (from the road notes of an officer of Caucasian army). 1877]. *Russkaya starina*. 1879. Vol. 25, pp. 173-188. [in Russian]
- Donskova, 2011** – *Donskova N.V.* (2011). The formation of the public education system in the Don Host Oblast and in the Upper Don region in XVIII – early XX centuries. *Relga. Scientific and cultural journal*. 2011. № 19. [Digital source]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3056&level1=main&level2=articles> [in Russian]
- Doncy, 2003** – Doncy XIX veka [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599. [in Russian]
- Karasev, 1896** – *Karasev A.A.* (1896). Zapiska knjazja A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Vojska Donskogo [The note by the Prince A. M. Dondukov-Korsakov about Don Host Oblast] // *Russkii arkhiv*. Vol. 12, pp. 569-591. [in Russian]
- Katkov, 1864** – *Katkov M.N.* (1864). Donskoi separatizm [Don separatism]. *Moskovskiye Vedomosti*. № 89. [in Russian]
- Korolev, 1991** – *Korolev V.N.* (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don, P. 464. [in Russian]
- Krasnov, 1863** – *Krasnov N.I.* (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb., P. 596. [in Russian]
- Krasnov, 1864** – *Krasnov N.I.* (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Vojska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb., P. 352. [in Russian]
- Krasnov, 1870** – *Krasnov N.I.* (1870). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Vojska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb., P. 290. [in Russian]
- Miljutin, 1999** – *Miljutin D.A.* (1999). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860-1862]. M., 1999. P. 559. [in Russian]
- Morozova, 2011** – *Morozova O.M.* (2011). Tsar', kazaki, krasnye komandiry... Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta [Tsar, Cossacks, Red Commanders ... Seven sketches in the genre of historical and psychological portrait]. Rostov-on-Don, P. 276. [in Russian]
- Nomikosov, 1884** – *Nomikosov S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Vojska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk, 1P. 774 [in Russian].
- Peretyatko, 2014** – *Peretyatko A.Y.* (2014). Voennaja organizacija i voennoe upravlenie Oblasti Vojska Donskogo vo vtoroj polovine XIX veka [The military organization and military management of Don Host Oblast in the second half of the 19th century]. Rostov-on-Don, P. 236. [in Russian]
- Peretyat'ko, 2015** – *Peretyatko A.Y.* (2015). Donskoi separatizm 1860 gg.: mify, real'nost' i vliyanie na pravitel'stvennyu politiku [Don separatism of 1860: myths, reality and influence on government policy]. *Problemy polijetnichnogo makroregiona v uslovijah destabilizacii Kaspijsko-Chernomorskogo zarubezh'ja*. Rostov-on-Don, pp. 227-233. [in Russian].
- Potapova, 2013** – *Potapova N.K.* (2013). Lermontov i kazachestvo [Lermontov and the Cossacks]. *Tarkhan bulletin*. № 26, pp. 71-85. [in Russian]
- Pushkin, 1962** – *Pushkin A.S.* (1962). Istoriya Pugacheva [History of Pugachev]. Pushkin A.S. Collected works: in 10 volumes. Vol. VII. M., pp. 7-150. [in Russian]
- RGVIA** – Russian state military and historical archive.
- Ryblova, 2009** – *Ryblova M.A.* (2009). Kazak i kazachka: tipichnye obrazy v traditsionnoi kul'ture donskikh kazakov [Cossack-man and Cossack-woman: typical images in the traditional culture of the Don Cossacks] // *Dikarevskie chteniya-XIV*. [Digital source]. URL: <http://ryblova.ru/stati/obychai-i-obrjady/kazak-i-kazachka-tipichnye-obrazy-v-traditsionnoj-kul'ture-donskih-kazakov> [in Russian]
- Saltykov-Shchedrin, 1864** – *Saltykov-Shchedrin M.E.* (1864). Literaturnye melochi [Literary trifles]. *Sovremennik*. № 5. [in Russian]
- Senyutkin, 1866** – *Senyutkin M.Kh.* (1866). Dontsy [Don Cossack]. Ch. 2. M., P. 282 [in Russian]

[Statisticheskoe opisanie, 1879](#) – Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voiska [Statistical Description of the Siberian Cossack Host]. *Russky Invalid*. 1879. № 229, pp. 3-4. [in Russian]

[Spisok, 1891](#) – Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlenn po 1 sentjabrja 1891 g. [The list of generals in seniority. Compiled by September 1, 1891]. SPb., 1891. P. 907. [in Russian]

[Stoletie, 1911](#) – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.4. SPb., 1911. P. 462. [in Russian]

[Peretyatko, 2017a](#) – *Peretyatko A.Y.* (2017). "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3, pp. 937-948. [in Russian]

[Peretyatko, 2017b](#) – *Peretyatko A.Y.* (2017). "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part II. *Bylye Gody*. Vol. 46. Is. 4, pp. 1401-1415. [in Russian]

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – *Peretyatko A. Y., Zulfugarzade T.E.* (2017). Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2), pp. 367-377. [in Russian]

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017b](#) – *Peretyatko A. Y., Zulfugarzade T.E.* (2017). Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4), pp. 817-829. [in Russian]

[Volvenko, 2015a](#) – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. Vol.13. Is. 1, pp. 19-37. [in Russian]

[Volvenko, 2015b](#) – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III. *Russkaya Starina*. Vol.(15). Is. 3, pp. 194-207. [in Russian]

Образы казака и казачества в книгах Н.И. Краснова 1860 гг.: «граждане» против «воинов»

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа посвящена образам казака и казачества в официальных исследованиях, написанных офицером (позднее генералом) Главного управления иррегулярных войск Н.И. Красновым в 1863-1870 гг. Речь идет о его «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского» и двух версиях «Военного обозрения Земли Донского Войска». Автор показывает, что в своих ранних текстах Н.И. Краснов рассматривал казачество как крайне неэффективный социальный институт. По его мнению, социальные роли «казака-гражданина» и «казака-воина» были несовместимы. Между тем с XVIII в. институт казачества предполагал совмещение этих ролей, чем ставил казаков в «ложное» или «переходное» положение. Исходя из этого, Н.И. Краснов выступал за радикальные реформы казачества. К концу десятилетия он несколько смягчил свою позицию, однако продолжал считать роли «казаков-граждан» и казаков-воинов» несовместимыми.

Ключевые слова: образ казака, образ казачества, правительственная политика по отношению к казачьим войскам, Д.А. Милютин, Н.И. Краснов, «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского», «Военное обозрение Земли Донского Войска».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)